

БИБЛИОТЕКАРЬ ПО КОНТРАКТУ

КОНТРАКТ ЗАКЛЮЧЕН

Подписант: Ким

Сторона: Азра

Условия:

- Предоставить знания
- Исполнить волю
- Сохранить печать

Цена:

- Память
- Выбор
- Время

АЗРА

Демоны, Архимаг,
Контрактный работник,
стрелок.

Класс: Информационный
ранг: Высший

КРАСНОЖОХ РОМАН

Роман Красножон Нулевой каталог : Библиотекарь по контракту

<https://litres.ru/74234979>

SelfPub; 2026

Аннотация

У библиотекаря Клим Северова было несколько простых правил: не спорить с читателями, не трогать незарегистрированные артефакты и не открывать книги, которые знают твоё имя.

Последнее правило он нарушил.

После обычной ночной смены забытые архивы начинают оживать, закрытые фонды открывают двери, которых вчера не существовало, а могущественные боярские кланы вспоминают о давно уничтоженном роде Северовых. В центре происходящего оказывается древняя книга, невидимая для приборов и слишком настойчивая, чтобы от неё можно было избавиться.

Клим ещё не знает, кто её оставил и почему она выбрала именно его. Но контракт уже действует, срок исполнения истёк двадцать лет назад, а взыскание обещает быть окончательным.

В мире, где магия подчиняется инструкциям, главное оружие библиотекаря: внимательное чтение мелкого шрифта.

Содержание

Глава	4
Пролог. Последняя ночь Северовых	5
Глава 1. Хранитель ненужных книг	15
Глава 2. Книга, которой нет	31
Глава 3. Желаете восстановить доступ?	49
Глава 4. Договор мелким почерком	70
Глава 5. Демоническая техподдержка	95
Глава 6. Двенадцать дней	123
Глава 7. Карточка цели	141
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Нулевой каталог : Библиотекарь по контракту

Глава

Библиотекарь по контракту
Красножон Роман

Пролог. Последняя ночь Северовых

Книги заговорили в тринадцать ночей.

Сначала это было почти неощутимо — едва слышная дрожь корешков на верхних полках, словно кто-то провёл ногтем по корешку контрабаса. Потом дрожь превратилась в звук: по всей домашней библиотеке прокатился тихий, слаженный шелест — будто сотни невидимых пальцев одновременно и очень аккуратно перелистнули страницы. Стеклопанные дверцы шкафов подёрнулись инеем, хотя в камине ещё потрескивали поленья и в кабинете было почти жарко.

Восьмилетний Клим проснулся не от холода и не от шума. Он проснулся оттого, что кто-то — несколько раз подряд, терпеливо, как будильник, — произнёс его имя.

Он сел на узкой кушетке в кабинете отца и замер, прислушиваясь. Голос шёл не из коридора и не из-за двери. Он звучал отовсюду сразу: из стен, из-под ковра, даже из старых книг, которыми были плотно уставлены полки, — так, будто дом сам решил заговорить голосом, слишком спокойным для того, что происходило.

«Клим Северов. Наследник подтверждён. Опасность внешнего проникновения».

Мальчик спустил ноги на пол. Камень оказался ледяным

даже сквозь носки. Он заснул прямо в одежде, дожидаясь отца, и теперь не мог понять, сколько прошло времени — час, три, всю ночь. За высокими окнами метался снег. Странный снег: снежинки не падали вниз, а медленно поднимались от земли к небу, будто кто-то запустил метель задом наперёд.

Дверь распахнулась резко, но отец, входя, всё же аккуратно притворил её за собой — привычка, которая не оставляет человека даже посреди катастрофы. На белой рубашке расползалось тёмное пятно. Левую руку он прижимал к животу, в правой сжимал короткий жезл из тусклого серого металла.

— Вставай. Мы уходим.

— А мама?

Отец на мгновение отвёл взгляд — совсем короткое, но заметное движение, как будто перед ответом ему пришлось сделать шаг назад.

— Она держит северную лестницу.

— От кого?

Дом содрогнулся так, что с потолка посыпалась мелкая белая пыль. За окнами вспыхнул золотой свет, и на стекле проступили защитные знаки Северовых — сначала яркие, синие, потом, один за другим, начавшие гаснуть, как свечи на ветру.

— От людей, которые очень любят порядок, — ответил отец. — Особенно когда порядок принадлежит им.

Клим хотел спросить ещё — вопросы теснились в горле один за другим, — но отец уже набросил на него пальто и

туго затянул пояс. Пуговицы не совпали с петлями, воротник загнулся внутрь. В любой другой день отец заметил бы это первым и со смехом поправил. Сегодня он даже не взглянул.

Они вышли в коридор.

Дом Северовых всегда казался Климу непомерно большим — из тех домов, в которых можно заблудиться, даже прожив в них всю жизнь. Днём здесь пахло воском, сухой бумагой и яблоками, которые кухарка хранила в подвале в больших плетёных корзинах. Сейчас запах был другим. В воздухе стояли гарь, раскалённый металл и что-то приторно-сладкое — от этого сладкого начинало подташнивать сильнее, чем от дыма.

По стенам метались тени людей, которых Клим не мог разглядеть. Снаружи доносились глухие удары, похожие на далёкие раскаты грома, только слишком ровные, слишком частые для настоящей грозы. Один из портретов сорвался с крепления и с грохотом рухнул прямо перед ними; нарисованный прадед на мгновение — на одно только мгновение — успел возмущённо открыть рот, прежде чем полотно погасло, как экран.

Отец потащил Клим к дальней стене, туда, где висела старая карта Российской империи. Провёл окровавленными пальцами вдоль изгиба побережья, нажал на Петербург и тихо, почти неслышно произнёс:

— Возврат к месту хранения.

Карта разошлась посередине бесшумно, как театральный

занавес. За ней открылся узкий проход.

Клим бывал в семейном архиве десятки раз, но этой лестницы не видел никогда. Ступени уходили вниз, глубже, чем позволял здравый смысл. На каждой было выбито имя — тонкой, витой вязью, стёртой временем почти до полной неразличимости. Большинство имён мальчику ничего не говорили, но некоторые совпадали с фамилиями людей, чьи портреты только что падали у них за спиной.

— Наступай только туда, куда наступаю я, — сказал отец.

— Почему?

— Потому что наши предки не любили незваных гостей.

— А родных они любили?

— Не особенно. Поэтому смотри под ноги.

Отец улыбнулся — быстро, одними уголками рта. Клим тоже попытался улыбнуться в ответ, хотя ему было по-настоящему страшно, страшно так, что немело в груди. Они спускались долго. Где-то наверху раздался очередной удар, и с потолка посыпалась пыль тонкой сухой струйкой. Далеко закричала женщина — один короткий вскрик, оборвавшийся так же резко, как начался. Отец на мгновение замер, будто натолкнулся на невидимую стену, потом пошёл ещё быстрее.

Внизу обнаружилась круглая комната без окон. Вдоль стен стояли пустые книжные шкафы — ни единого корешка, только голое дерево. В центре, на широком каменном столе, лежала толстая книга в чёрном переплёте. На обложке не было ни названия, ни герба, ни замка — только тёмная, ни-

чем не украшенная кожа.

— Я думал, наш каталог наверху, — сказал Клим.

— Наверху копия.

— А это настоящий?

— К сожалению.

Отец положил ладонь на обложку, и книга раскрылась сама, без всякого усилия. Страницы быстро перелистывались одна за другой, хотя в комнате не было ни малейшего сквозняка. На одной проступила карта города, на другой — вереница имён, на третьей Клим увидел изображение человеческого сердца, окружённого тонкими золотыми нитями, — и не успел понять, что оно означает, как страница уже сменилась.

Потом книга остановилась. На развороте не было ничего, кроме единственной строки:

«Укажите объект сохранения».

Отец посмотрел на сына долгим, тяжёлым взглядом.

— Подойди.

Клим не двинулся с места.

— Ты хочешь засунуть меня в книгу?

— Нет.

— Ты сказал это слишком быстро.

Сверху донёсся новый удар, куда более близкий. Погасли две лампы разом. В наступившей темноте по стенам пробежали золотые линии — быстро, целенаправленно, — и сложились в герб с восходящим солнцем.

Голос раздался прямо из камня, будто у стен вдруг прорезался собственный, отдельный от дома голос:

«Андрей Михайлович, сопротивление окончено. Передайте Нулевой каталог и наследника. Императорская палата гарантирует ребёнку жизнь».

Клим узнал этот голос сразу. Князь Гавриил Зорин не раз приезжал к отцу — они запирались в кабинете и подолгу спорили за закрытой дверью, а после отец обычно наливал себе один бокал и просил его не беспокоить.

— Он же твой друг, — прошептал Клим.

— Уже нет.

«Андрей, не заставляй меня спускаться. Ты знаешь, что архив всё равно будет уничтожен».

Отец поднял жезл и провёл им по золотому гербу на стене. Тот дрогнул, будто от боли, почернел и осыпался мелкой пылью, как прогоревшая головня.

— В этом всегда была твоя проблема, Гавриил, — сказал он стене, глядя в пустое место, где секунду назад светился герб. — Ты принимал временное преимущество за окончательную победу.

Он опустился перед Климом на одно колено — теперь их лица оказались почти вровень, и мальчик впервые за эту ночь как следует рассмотрел лицо отца: серое, осунувшееся, с тонкой ниточкой крови у виска.

— Слушай меня внимательно. Скоро ты забудешь этот дом, меня и всё, что видел сегодня. Это не навсегда. Память

вернётся, когда ты сможешь себя защитить.

— Я не хочу забывать.

— Знаю.

— Тогда не делай этого.

Отец закрыл глаза. Его пальцы крепче сжали плечи сына — так крепко, что потом, много лет спустя, Клим будет пытаться вспомнить именно это ощущение и никогда не сможет.

— Если я оставляю тебе память, они найдут её внутри тебя. А потом найдут книгу.

— Кто они?

— Те, кто называет себя нашими покровителями.

Каменная дверь наверху лестницы треснула с сухим, коротким звуком, похожим на выстрел. В комнату посыпались искры.

Отец снял с шеи тонкую цепочку с металлической пластинкой. На одной стороне было выгравировано дерево с обнажёнными, будто выкопанными наружу корнями, на другой — библиотечный номер, вытертый до блеска чужими прикосновениями.

— Сохрани её.

— Что это?

— Твой читательский билет.

— Я ещё маленький.

— Поверь мне: когда придёт время возвращать просроченные книги, возраст библиотекаря никого не заинтересует.

Отец вложил пластинку в ладонь Клим и подвёл его к каменному столу — почти нёс, потому что ноги у мальчика вдруг перестали слушаться.

«Укажите объект сохранения», — повторила книга терпеливо, будто у неё было сколько угодно времени.

— Клим Андреевич Северов, — произнёс отец. — Сохраняемый экземпляр. Состояние удовлетворительное. Повреждения памяти допустимы. Утрата души недопустима.

На странице появилась новая строка:

«Укажите место хранения».

— Императорская публичная библиотека. Закрытый фонд. Нулевая полка.

«Указанного отдела не существует».

— Поэтому его никто и не проверит.

Книга молчала несколько долгих секунд — так, будто взвешивала услышанное.

«Для перемещения требуется изменить классификацию объекта».

Отец провёл пальцем по строке. Из открывшейся на ладони раны выступила капля крови и тут же впиталась в бумагу, не оставив следа.

— Клим Северов более не является наследником рода. Клим Северов является книгой.

Мальчик уставился на него, не веря собственным ушам.

— Я не книга.

— Только до утра.

«Изменение принято. Категория: запрещённое издание. Статус: единственный экземпляр. Подготовка возврата».

Воздух вокруг Клим начал густеть — плотный, холодный, как вода перед замерзанием. Пальцы потеряли чувствительность первыми, потом онемели руки до локтя. Стены комнаты будто подёрнулись рябью, словно её вдруг стали разглядывать сквозь толщу воды.

Отец крепко, до боли обнял его в последний раз.

— Запомни хотя бы это. Когда книга назовёт тебя по имени, не верь ни тому, кто спустился снизу, ни тому, кто пришёл сверху.

— А кому верить?

— Для начала себе. Потом разберёшься.

Дверь наверху разлетелась вдребезги. На лестницу хлынул золотой свет, заливая ступени сверху донизу.

Клим попытался удержать отца — вцепился обеими руками в его рубашку, — но пальцы прошли сквозь ткань, будто её больше не существовало. Комната растворялась вокруг, теряя очертания. Последним, что он успел разглядеть, было лицо отца и раскрытая чёрная книга на каменном столе.

Потом не осталось ничего.

В три пятьдесят одну ночь дежурный хранитель Императорской публичной библиотеки услышал сигнал внутренней сигнализации. Между стеллажами закрытого фонда он нашёл спящего мальчика в неправильно застёгнутом пальто — тот лежал свернувшись, как будто просто устал и прилёг

вздремнуть между полками.

Рядом лежала чистая каталожная карточка.

На ней медленно, буква за буквой, проступало имя:

Клим Северов.

Глава 1. Хранитель ненужных книг

У опасных книг есть одно важное преимущество перед опасными людьми: они, как правило, честно предупреждают, что собираются вас убить.

На переплёте рисуют череп, ставят красную печать или прикрепляют карточку с надписью: «Не открывать без защитного контура». Иногда книга шипит, дымится и пытается откусить палец — тоже вполне ясное предупреждение, куда яснее, чем требует вежливость.

Люди в этом смысле куда коварнее. Люди предпочитают дорогие костюмы и вежливые улыбки.

— Вы хоть понимаете, кто мой отец?

Я посмотрел на молодого человека по другую сторону стойки. Ему было лет двадцать — может быть, двадцать один, если родители однажды всё же позволили ему самостоятельно выбрать носки. На воротнике тёмно-зелёного мундира блестел серебряный герб служилого рода Корсаковых, начищенный так старательно, будто это могло что-то доказать.

— Полагаю, господин Корсаков, мужчина, который забыл объяснить вам правила библиотеки.

Слева от меня тихо фыркнула Нина. Она сидела за терминалом и старательно делала вид, что проверяет цифровые копии каталожных карточек, — получалось у неё плохо, по-

тому что плечи у неё уже начинали трястись.

Корсаков покраснел до кончиков ушей.

— Мне нужна эта книга для дипломной работы.

— Тогда вам следовало выбрать тему, для которой не требуется разрешение третьего уровня.

— У меня второй уровень.

— Я заметил.

— Мой личный магический уровень второй.

— А уровень допуска — первый.

Я повернул к нему экран. Напротив названия «Практическое разделение души» горел алый знак запрета, а ниже стояла подпись заведующего кафедрой, просроченная ровно на восемь месяцев — я специально это проверил ещё до того, как он подошёл к стойке.

Корсаков наклонился ближе, понизив голос до доверительного шёпота.

— Выдадите книгу сейчас, а разрешение я принесу завтра.

Он произнёс это мягко, почти дружелюбно. По краю стойки пробежала едва заметная зелёная искра, и воздух вдруг запах свежескошенной травой — приятно, но совершенно неуместно посреди читального зала.

Слабое внушение.

В читальных залах запрещалось применять родовые способности, но молодые наследники слишком часто считали правила чем-то вроде рекомендаций — необязательных, ес-

ли у тебя достаточно хорошая фамилия.

Мне вдруг очень захотелось выдать ему книгу. Желание было тёплым, разумным на первый взгляд и абсолютно, до тошноты чужим — как будто кто-то на секунду подменил мои собственные мысли своими. Я представил, как встаю, иду в хранилище, снимаю защиту, аккуратно расписываюсь в журнале. Ничего страшного, в конце концов. Всего одно маленькое нарушение.

Я взял со стойки латунный колокольчик и позвонил.

Над головой Корсакова вспыхнуло синее кольцо. Защитная система читального зала мгновенно и без остатка поглотила внушение. Молодой человек побледнел, а его личный браслет доступа издал короткий неприятный писк.

«Зафиксировано несанкционированное применение родового дара. Посетителю присвоено первое предупреждение».

— Вы что творите?! — прошипел Корсаков.

— Исполняю ваше желание. Теперь разрешение третьего уровня вам уже не понадобится.

— Почему это?

— После третьего предупреждения ваш доступ закроют полностью.

Нина всё-таки не выдержала и рассмеялась в открытую.

Корсаков посмотрел сначала на неё, потом на меня — долгим взглядом, в котором на несколько секунд отчётливо промелькнуло желание решить вопрос старым добрым бо-

ярским способом, желательно на дуэльной площадке и при большом количестве свидетелей. Потом он заметил потолочные подаватели и передумал так же быстро, как загорелся.

— Назовите своё имя.

— Оно написано на табличке.

Он прочитал вслух, по слогам, будто проверяя себя:

— Клим Северов.

Фамилия подействовала лучше любой сигнализации в мире. Злость на его лице растворилась почти мгновенно, уступив место жадному любопытству.

— Из тех самых Северовых?

— Если вы знаете других, буду искренне благодарен за адрес.

— Я слышал, ваш род...

— Был уничтожен за государственную измену, лишён титула, имущества и права участвовать в политической жизни империи. Да, это мы. Вы собирались добавить что-то новое?

Он не собирался.

Корсаков забрал документы и направился к выходу — топорливо, почти не глядя под ноги. Перед самой дверью он всё же обернулся:

— Мой отец узнает об этом.

— Обязательно передайте ему первое предупреждение.

Второе мы можем отправить заказным письмом.

Дверь закрылась с мягким, почти вежливым щелчком.

Нина откинулась на спинку кресла, окончательно позво-

лив себе улыбку во весь рот.

— Когда-нибудь тебя вызовут на дуэль.

— Для этого придётся сперва восстановить мой титул. Не думаю, что Высший совет пойдёт на такие расходы.

— Можно вызвать и простолюдина.

— Но победа не принесёт политических очков. Только суровость.

— Удивительно, что ты до сих пор не женат.

— Людей пугает моя практичность.

— Людей пугает твоя фамилия. Практичность они замечают уже потом.

Я закрыл карточку Корсакова и занёс предупреждение в систему. Терминал ненадолго задумался, сверил запись с реестром родов и учтиво поинтересовался, действительно ли я хочу пожаловаться на представителя служилой семьи.

В правом углу терминала стояла дата: 25 июля 2027 года. Я подтвердил.

Система спросила ещё раз.

Я подтвердил снова.

После третьего вопроса она сдалась и сохранила нарушение. Техника считалась беспристрастной, пока её не начинали настраивать люди с титулами.

Закрытый фонд номер семь располагался в старой части Императорской библиотеки. Туристов сюда не водили. В путеводителях писали, что за бронзовыми дверями находятся реставрационные мастерские и технические поме-

щения. Это было почти правдой. Мастерская действительно имелась, а назначение остальных помещений лучше всего описывалось словом «техническое», если считать проклятия разновидностью неполадки.

К нам попадали книги, которые не удавалось отнести ни к одному официальному разделу. Неизвестный автор, несуществующий язык, спорное происхождение, самопроизвольное изменение текста. Большинство оказывалось подделками, студенческими экспериментами или неудачными семейными гримурами.

Настоящие находки встречались редко.

И это меня полностью устраивало.

Я любил книги, тишину и предсказуемую зарплату. В моей жизни уже имелась уничтоженная семья, отобранный титул и фамилия, после которой люди либо замолкали, либо начинали задавать бестактные вопросы. Добавлять к этому древнее зло я не планировал.

— У тебя чай остыл, - сказала Нина.

— Он перестал быть горячим ещё до прихода Корсакова.

— Я могу нагреть.

— В прошлый раз чашка лопнула.

— Потому что она была с трещиной.

— Трещина появилась после нагрева.

— Совпадение.

Нина щёлкнула пальцами. Под моей кружкой вспыхнул маленький оранжевый знак. Чай забулькал, со стола поднял-

ся пар.

— Видишь? Ничего не лопнуло.

У кружки отвалилась ручка.

Нина посмотрела на неё.

— Ручка не считается.

Нина Рубежная работала в отделе цифровых архивов и официально не имела права проводить в нашем фонде больше двух часов в день. Неофициально её терминал стоял рядом с моим уже третий год. Она объясняла это тем, что старые каталоги постоянно конфликтуют с новыми базами данных. Я подозревал, что в основном ей нравилось наблюдать, как посетители пытаются доказать мне собственную важность.

Родового дара у Нины не было. Арканометр определял обычную Искру, пригодную для бытовых заклинаний и порчи библиотечной посуды. Зато она замечала ошибки в документах быстрее большинства дипломированных архивистов. Если в столетней описи меняли одну цифру, Нина могла не найти исправление, но всегда чувствовала, что с записью что-то не так.

Она называла это профессиональной тревожностью.

Я считал талантом.

На моём терминале вспыхнуло служебное уведомление.

«Клим Андреевич Северов, немедленно явитесь в зал особых посетителей».

Под сообщением стояла личная печать директора.

— Слово «немедленно» выделено красным, - заметила Нина. - Значит, либо пожар, либо приехал кто-то важный.

— Во время пожара меня обычно просят покинуть здание.

— Тогда важный. Может, отец Корсакова оказался быстрым человеком.

— На дорогу от Дворцовой академии ушло бы не меньше двадцати минут.

— Богатые люди умеют злиться с превышением скорости. Я поднялся, надел форменный пиджак и обнаружил на рукаве серую полосу пыли. Стряхнул. Полоса стала шире.

— Так солиднее, - сказала Нина.

— Преступный род, опасный архив и пыль на локте.

— Особенно пыль. Она показывает, что ты работаешь.

До зала особых посетителей пришлось идти через центральную галерею. Здесь библиотека выглядела именно так, как её представляли туристы: белые колонны, мраморный пол, высокие окна и уходящие вверх книжные ярусы. Под потолком плавали световые сферы. Между столами бесшумно двигались тележки с книгами, управляемые простейшими рунами.

Посетителей было немного. У входа в отдел периодики двое студентов спорили с автоматом выдачи. Автомат отказывался принимать просроченную книгу и требовал оплатить штраф. Один из студентов пытался убедить его, что задержка произошла из-за временной петли.

Судя по размеру штрафа, петля длилась четыре месяца.

У дверей особого зала стояли двое сотрудников Императорской службы магической безопасности. Тёмно-синяя форма, серебряные знаки третьего контура, короткие клинки на поясе и современные пистолеты под мышкой. Магия магией, но хорошие ведомства не отказывались от проверенных средств.

Один из них приложил сканер к моему пропуску.

Прибор пискнул.

— Северов?

— Последний раз проверял утром.

Он не улыбнулся.

Второй охранник провёл сканером вдоль моего тела. Экран показал нулевой контур и отсутствие активных артефактов. После этого интерес ко мне исчез.

Внутри находились директор библиотеки Леонид Павлович Бельский и женщина, которую я раньше видел только в новостях.

Княжна Варвара Зорина стояла у окна, заложив руки за спину. На ней была форма капитана Императорской службы, но без парадных наград. Только серебряный герб восходящего солнца на воротнике и старое кольцо на правой руке.

Она не выглядела человеком, которому приходилось повторять просьбу дважды.

Бельский промокнул лоб платком.

— Клим Андреевич, благодарю, что пришли.

Фраза прозвучала так, будто у меня имелась возможность не приходить.

— Вызывали, Леонид Павлович?

— Княжне Зориной требуется помощь с поиском одного издания.

Варвара повернулась.

У неё было спокойное лицо и очень внимательные серые глаза. Род Зориных славился Повелением. Одни представители семьи могли остановить человека одним словом, другие заставляли толпу забыть, зачем она собралась. Способность Варвары считалась особенно сильной. По слухам, во время беспорядков в Казани она приказала двум сотням вооружённых людей сложить оружие, и никто не сумел сопротивляться.

Слухи часто преувеличивали.

Но проверять не хотелось.

— Клим Андреевич, - сказала она. - Вы отвечаете за седьмой закрытый фонд?

— За первичную классификацию поступлений.

— Значит, все неопознанные книги проходят через вас.

— Если соблюдается порядок.

— А если не соблюдается?

— Тогда книга остаётся неопознанной.

Бельский закрыл глаза. Кажется, мой ответ причинил ему физическую боль.

Варвара не улыбнулась, но в её взгляде что-то изменилось.

— Мне нужен труд Николая Андреевича Северова «О происхождении внутренних имён». Издание тысяча восемьсот девяносто первого года.

Я ожидал чего угодно, кроме собственной фамилии.

— Такой книги нет.

— Вы уверены?

— Архив Северовых изъяли двадцать лет назад. Большую часть передали Императорской палате, остальное уничтожили.

— Мне известно, что произошло с архивом.

Конечно, известно. Её дядя лично подписал акт о ликвидации рода.

Варвара протянула мне каталожную карточку. Бумажную, пожелтевшую по краям. На ней выцветшими чернилами было написано название книги. В нижнем углу стоял шифр: 0-С/17.

— Нулевого отдела не существует, - сказал я.

— Я тоже так считала.

— Где вы нашли карточку?

— Это закрытая информация.

— Тогда поиск будет коротким.

Бельский кашлянул.

— Клим Андреевич, прошу вас отнестись к вопросу со всей серьёзностью.

— Я серьёзно. Каталожный шифр состоит из номера фонда, обозначения раздела и места на полке. Если первая циф-

ра указывает на несуществующий фонд, карточка либо поддельная, либо относится к старой системе.

— Старая система вам знакома? - спросила Варвара.

— Нет.

— Вспомните.

Она произнесла это негромко.

Мир сразу стал теснее.

Шум центральной галереи исчез за стенами. Я перестал слышать дыхание директора и гул защитных контуров. Остался только её голос и простое, совершенно разумное желание выполнить приказ.

Вспомнить.

Перед глазами на мгновение возникла каменная лестница. Ступени с выбитыми именами. Чья-то рука лежала у меня на плече. Пахло кровью, бумагой и яблоками.

Изображение исчезло так быстро, что я не успел понять, было ли оно настоящим.

— Не получается, - ответил я.

На лице Варвары впервые появилось удивление.

— Вы почувствовали воздействие?

— Да.

— И всё равно не вспомнили?

— Приказ не создаёт информацию, которой у меня нет.

Это объяснение показалось разумным даже мне. Другое предположение заключалось в том, что представительница сильнейшего рода империи только что попыталась взломать

мою память и наткнулась на что-то, о существовании чего я сам не знал.

Такой вариант мне нравился меньше.

Варвара забрала карточку.

— Завтра утром служба безопасности проведёт полную проверку закрытых фондов. До этого времени вы никому не должны сообщать о нашем разговоре.

— До девяти оба входа будут под наблюдением, - добавила Варвара. - Вскрыть закрытый фонд без ордера Высшего совета я не могу.

— Это официальный приказ?

— Да.

— Тогда потребуется номер распоряжения.

Бельский снова достал платок.

— Вы всегда требуете документы? - спросила Варвара.

— Только когда меня просят нарушить правила библиотеки.

— Я прошу вас соблюдать тайну следствия.

— Именно поэтому номер распоряжения особенно важен.

Несколько секунд она смотрела на меня. Потом достала служебный терминал, коснулась экрана и отправила документ на мой пропуск.

— Теперь вы удовлетворены?

— С административной точки зрения.

— А с личной?

— Мы знакомы четыре минуты. Для личного удовлетво-

рения этого мало.

Бельский издал странный звук. Возможно, подавился воздухом.

Варвара медленно кивнула.

— До завтра, Клим Андреевич.

Я вышел.

Охранники проводили меня одинаково тяжёлыми взглядами. Видимо, через дверь они ничего не слышали, но по лицу директора поняли, что разговор прошёл не так спокойно, как планировалось.

Нина ждала у стойки. Рядом стояла новая кружка.

— Кто приехал?

Я показал ей полученное распоряжение. Формально оно запрещало пересказывать разговор, но не запрещало демонстрировать документ сотруднику, включённому в список проверки.

Нина прочитала имя княжны и присвистнула.

— Зорины. Что им понадобилось в нашем болоте?

— Книга Северовых.

— Очень смешно.

— Я тоже так подумал.

Я ввёл название в общий каталог. Система не нашла совпадений. Проверил дореволюционные описи, акты передачи и список уничтоженных изданий. Ничего.

Нина взяла бумажную карточку, которую я успел сфотографировать через служебные очки, и увеличила шифр.

— Ноль может быть не номером фонда.

— А чем?

— Ошибкой.

— Убедительно.

— Подожди.

Она открыла старую схему маркировки, затем ещё одну. Несколько минут на экране мелькали таблицы, номера и отсканированные журналы. Нина хмурилась всё сильнее.

— В системе есть след, - наконец сказала она.

— Карточка зарегистрирована?

— Нет. Кто-то пытался зарегистрировать этот шифр двадцать лет назад. Операция оборвалась.

— Дата?

Нина развернула экран.

Запись была создана той же ночью, когда уничтожили род Северовых.

В графе сотрудника стоял прочерк. В графе отдела значился седьмой закрытый фонд, хотя тогда его ещё не существовало.

— Место хранения? - спросил я.

Нина увеличила последнюю строку.

Ряд двенадцать. Стеллаж С. Полка семнадцать.

Я посмотрел через зал.

Стеллаж С стоял у дальней стены. Полка семнадцать предназначалась для новых поступлений и утром была пустой.

Теперь на ней лежала толстая чёрная книга.

Ни я, ни Нина не сразу произнесли хоть слово.

— Камеры? - спросил я.

Она быстро открыла запись. На экране полка оставалась пустой. Мы видели себя за стойкой, Корсакова, тележку с книгами и проходившего мимо реставратора. Чёрной книги не было.

Я поднял взгляд.

Она лежала на месте.

— Позовём охрану? - спросила Нина.

Это было разумное предложение. В любой инструкции закрытого фонда первым пунктом значилось: не приближаться к неопознанному объекту до прибытия специалистов.

Я посмотрел на карточку с фамилией Северовых, на дату уничтожения рода и на книгу, которую не видели камеры.

Потом достал защитные перчатки.

В своё оправдание могу сказать только одно.

Она выглядела как книга.

Глава 2. Книга, которой нет

— Не трогай её, — сказала Нина.

— Я надел перчатки.

— От проклятия, которое двадцать лет ждало именно тебя, латекс точно поможет.

— Это не латекс. Трёхслойный экранирующий материал.

— Тогда всё в порядке.

Нина не отрывала взгляда от чёрной книги. Я тоже. Книга лежала на полке между пустым держателем для карточек и коробкой с обломками шумерской таблички, ещё утром признанной студенческой подделкой. Ничего угрожающего в ней не было — по крайней мере, на первый взгляд. Она не светилась, не дымилась и не пыталась вступить с нами в переговоры.

В нашем отделе это уже считалось хорошим признаком.

Плохим было то, что камеры её не видели вовсе.

Я остановился в трёх шагах от стеллажа и достал служебный арканометр — небольшой прибор, похожий на непомерно толстый телефон с тремя сенсорами на верхней грани. Обычно он определял активные заклинания, остаточную энергию и тип защитной печати. При работе с особенно неприятными предметами прибор мог ещё показать примерное время, оставшееся до прибытия медицинской бригады, — функция, которой я до сегодняшнего дня искренне наде-

ялся никогда не воспользоваться.

Навёл на книгу.

На экране высветилась короткая, издевательски спокойная строка:

«Объекты не обнаружены».

— Ты её видишь? — спросил я.

— Чёрная, толстая, примерно тридцать на двадцать сантиметров. На корешке царапина.

— Я тоже.

— Уже легче. Массовая галлюцинация обычно начинается от трёх человек.

Я провёл прибором вдоль всей полки. Он нашёл металл в держателе, слабый защитный контур вокруг коробки и остаточный след бытовой магии на древесине. Книги для него попросту не существовало — как будто прибор был очень честным и очень упрямым свидетелем, который отказывался лжесвидетельствовать даже ради удобства.

Нина подняла служебный планшет и сделала снимок.

На фотографии полка была пустой.

— Интересно, — сказала она.

— В устах архивиста это слово звучит особенно тревожно.

— Дай мне две минуты.

Она вернулась к терминалу и вывела изображение с камеры на большой экран, потом наложила ночной режим, тепловую карту и данные охранного контура — один слой за другим, как будто пыталась содрать с реальности лишнюю

кожу и добраться до того, что под ней. Результат не менялся. Мы видели стеллаж, коробку и пустое место.

Только тепловой датчик показывал слабое пятно. Небольшое, ровное — и слишком тёплое для книги.

Нина увеличила участок.

— Тридцать шесть и шесть, — сказала она.

— Возможно, переплёт простудился.

— У книг не бывает температуры человеческого тела.

— В третьем хранилище лежит сборник заклинаний, который обижается на сквозняки.

— Он хотя бы зарегистрирован.

На тепловой карте пятно дрогнуло. Потом ещё раз. Через равные, слишком равные промежутки.

Нина посмотрела на меня так, будто только что услышала, как в соседней комнате кто-то дышит.

— Оно пульсирует.

Я приложил пальцы к запястью. Пульс был быстрым, около девяноста ударов. Тепловое пятно на экране меняло яркость в точности в том же ритме.

— Не нравится мне это, — сказала Нина.

— А минуту назад было интересно.

— Интересное тоже может тебя сожрать.

По правилам следовало перекрыть отдел, включить тревогу и ждать специальную группу. Та приехала бы вместе со службой Зориных. Книгу запечатали бы, изъяли и поместили в хранилище, к которому я больше никогда не получил

бы доступа — ни в качестве сотрудника, ни в каком бы то ни было другом.

Ещё утром такой исход показался бы мне почти идеальным.

Теперь рядом с неизвестным предметом стояли фамилия моего рода, дата его уничтожения и шифр отдела, которого официально не существовало. Отдать всё это людям Гавриила Зорина до того, как я хотя бы прочитаю обложку, означало проявить редкое благоразумие.

У меня всегда были сложные отношения с благоразумием. В основном потому, что окружающие вспоминали о нём именно тогда, когда хотели забрать у меня что-нибудь интересное.

— Сначала проведём первичную проверку, — сказал я.

— А потом вызовем охрану?

— Если предмет окажется опасным.

— Он невидим для камер, имеет температуру человека и бьётся в ритме твоего сердца.

— По инструкции это аномальные свойства. Опасность нужно ещё подтвердить.

— Кто писал инструкцию?

— Человек, которому очень не хотелось вызывать охрану.

Нина тяжело вздохнула, подошла к двери отдела и приложила пропуск к панели. Бронзовые створки бесшумно сомкнулись. По краям, будто по контуру нарисованной от руки границы, вспыхнули синие защитные знаки.

— Десять минут, — сказала она. — Если она заговорит, зашевелится или предложит исполнить желание, вызываем службу.

— Справедливо.

— Если из неё полезут щупальца, я убегаю.

— Тоже справедливо.

— Если щупальца схватят тебя, книгу всё равно придётся отдать Зориным.

— Вот это уже предательство.

Я достал дистанционный захват — шарнирную конструкцию с двумя мягкими лапами, которой обычно перемещали предметы, к которым не хотелось прикасаться даже через защиту. Подвёл его к корешку и осторожно сжал.

Лапы сомкнулись друг с другом, словно книги между ними и не было.

Книга осталась на месте.

Я повторил попытку. Металлические части прошли сквозь переплёт, будто его не существовало вовсе, — и всё же книга отбрасывала тень и слегка продавлиwała деревянную полку под собой, как будто была настоящей ровно настолько, насколько ей это было удобно.

— Попробуй коробкой, — предложила Нина.

Мы поместили под книгу изолирующий контейнер и медленно подняли его. Коробка прошла сквозь предмет насквозь; на короткое мгновение книга оказалась внутри неё, а затем снова легла на полку — так, будто ничего и не про-

исходило.

— Похоже, она взаимодействует не со всеми объектами,
— сказала Нина.

— С полкой взаимодействует.

— Или хочет, чтобы мы так думали.

Я протянул руку.

— Клим.

— Если я не прикоснусь, мы ничего не узнаем.

— Именно эту фразу обычно произносят перед тем, как в отчёте появляется раздел о погибших.

— Можешь потом поставить её в эпиграф.

Книга оказалась тёплой.

Я ожидал сопротивления, удара, хотя бы искры. Ничего не произошло. Пальцы почувствовали шершавую кожу переплёта, лёгкие выступы на корешке и неглубокую царапину, которую заметила Нина. Предмет был совершенно, обескураживающе материальным.

Когда я снял его с полки, арканометр наконец пискнул.

«Обнаружено изменение массы».

— Наконец-то, — сказала Нина. — Положи на весы.

Лабораторная платформа стояла у стены. Я опустил книгу в центр. Экран мигнул, вывел ноль, потом несколько случайных цифр — как будто прибор не мог решить, чему верить.

«0,4 кг».

«12,8 кг».

«78,2 кг».

Последнее значение задержалось.

Нина посмотрела сначала на весы, потом на меня — очень внимательно, тем взглядом, каким смотрят на человека, которого только что заподозрили в чём-то.

— Сколько ты вешишь?

— Не знаю.

— Врёшь.

— Семьдесят восемь.

Показатель изменился:

«78,4 кг».

— Ты только что вдохнул, — сказала она.

— Обычно люди при этом не прибавляют двести граммов.

— Вес лёгких меняется.

— Но вес книги не должен.

— Спасибо, я заметила.

Я отпустил переплёт. Весы снова показали ноль, хотя книга осталась лежать на платформе — совершенно неподвижная, будто выжидающая.

Нина сняла очки и потёрла переносицу.

— Предлагаю всё-таки вызвать охрану.

— Через девять минут.

— Прошло уже двенадцать.

— Тогда мы работаем сверхурочно.

Я поднял книгу и понёс её к изолированной комнате. Пока она находилась у меня в руках, приборы исправно замечали и вес, и тепло. Стоило положить её на стол — показания

исчезали, будто предмет существовал только через контакт со мной, и ни секундой дольше.

Изолятор представлял собой небольшое помещение со стеклянными стенами: металлический стол, манипуляторы, вытяжная система. Защитный контур мог выдержать взрыв артефакта второго класса или появление существа размером с крупную собаку.

Более крупным существам полагалось появляться в другом отделе — я всегда считал это разумным разделением труда.

Я положил книгу на стол и вышел. Нина закрыла дверь, включила контур и проверила герметичность, водя пальцем по невидимому шву.

Книга осталась видимой.

— Уже лучше, — сказала она.

— Почему?

— Потому что я пока ещё её вижу.

Через встроенные манипуляторы открыть застёжку не получилось: металлические пальцы снова проходили сквозь книгу, будто через воздух. Мы проверили ультразвук, спектральный свет и несколько диагностических заклинаний. Для всех систем изолятор оставался пустым.

На обычном стекле книга отражалась, ровно и честно, как отражается любой предмет.

В зеркальном диагностическом экране её не было.

— Может, это иллюзия? — спросила Нина.

— Иллюзия не должна весить столько же, сколько я.

— Хорошая иллюзия должна.

— Зачем?

— Чтобы мы спорили вместо того, чтобы вызвать специалистов.

Она была права. Мне это совершенно не понравилось.

Я открыл журнал новых поступлений и начал заполнять карточку вручную — привычным движением, которое обычно успокаивало не хуже чая.

«Название».

Оставил поле пустым.

«Автор».

Неизвестен.

«Происхождение».

Поставил: предположительно архив Северовых.

Система тут же подчеркнула фамилию красным и вывела предупреждение, будто только этого и ждала:

«Указанный род ликвидирован. Связанные объекты подлежат передаче Императорской палате».

— Вот и причина не регистрировать, — сказал я.

— Ты уже ввёл данные.

— Я не нажал сохранить.

— Княжна Зорина завтра проверит журнал.

— Поэтому до завтра нужно понять, что это.

Нина некоторое время молчала, глядя на книгу так, словно та вот-вот заговорит первой.

— Ты ведь понимаешь, что она могла специально показать тебе карточку?

— Понимаю.

— Возможно, Зорина хотела, чтобы ты нашёл книгу.

— Или хотела проверить, знаю ли я о ней.

— Или книга появилась, потому что она произнесла название.

— Она назвала другой труд.

— Мы не знаем, как он выглядит.

Я посмотрел через стекло. Чёрная книга лежала неподвижно, ровно посередине стола, будто позировала.

— Есть только один способ проверить.

— Ты сейчас скажешь, что нужно открыть её.

— Я не собирался произносить это так зловеще.

— Лучше не получится.

Обычные манипуляторы не работали, поэтому пришлось снова войти в изолятор. Нина осталась у панели аварийного закрытия, положив ладонь на рычаг с такой готовностью, будто уже отсчитывала секунды.

— Если что-то произойдёт, я активирую контур, — предупредила она.

— Я буду внутри.

— Именно поэтому.

— Рад, что наши рабочие отношения основаны на доверии.

— Они основаны на том, что я быстрее тебя бегаю.

Я сел перед книгой.

Вблизи переплёт казался очень старым. Кожа потемнела и растрескалась по краям, но не была повреждена — ни пятен плесени, ни следов небрежного хранения. Я провёл пальцами вдоль обложки и почувствовал едва заметные углубления, спрятанные так глубоко в фактуре кожи, что их можно было принять за случайную выделку.

Под прямым светом их почти не было видно. Я повернул настольную лампу — и тень легла иначе, острее.

На коже проступил знак: дерево с обнажёнными, будто выкопанными наружу корнями.

У меня перехватило дыхание.

— Что там? — спросила Нина через переговорное устройство.

Вместо ответа я расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и вытянул тонкую цепочку. На ней висела прямоугольная металлическая пластинка — единственная вещь, найденная при мне в ту ночь, когда я оказался в библиотеке. Я носил её двадцать лет, ни разу толком не рассмотрев.

На одной стороне был тот же знак.

Нина приблизилась к стеклу почти вплотную.

— Ты никогда не говорил, что у тебя осталась родовая печать.

— Это не печать.

— Там герб Северовых.

— В официальном гербе была башня над раскрытой кни-

гой.

— Официальные гербы создают для людей. Семейные знаки бывают другими.

Я перевернул пластинку. На обратной стороне был выбит номер, стёршийся почти до неразличимости:

0-С/17.

Несколько секунд мы просто смотрели на него, будто ждали, что цифры сами о чём-нибудь расскажут.

— Ты знал? — спросила Нина.

— Нет.

— За двадцать лет ни разу не проверил?

— Проверял. По этому номеру ничего нет.

— Теперь есть.

Пластинка нагрелась. Не сильно, но я почувствовал тепло даже через рубашку — как будто металл наконец узнал, зачем его столько лет носили на груди.

Меня затрясло не от тепла. На секунду вернулись запах крови и яблок, холод каменной лестницы и чужая ладонь на плече.

На обложке книги появилась тонкая линия. Она прошла вокруг дерева, спустилась к корешку и закончилась у застёжки.

Раздался щелчок.

— Клим, не открывай.

— Ты же хотела узнать, что внутри.

— Я хотела, чтобы внутри оказался список покупок тво-

его прадеда. Но книга только что узнала ключ, который нашли у тебя в детстве.

— Значит, список принадлежит моей семье.

— Ты способен относиться серьёзно хотя бы к собственной смерти?

— Когда она произойдёт, обязательно отнесусь.

Я открыл застёжку.

Ничего не случилось.

Контур не сработал. Свет не погас. Из переплёта не вырвались ни пламя, ни насекомые, ни проклятые родственники — вообще ничего, что оправдало бы напряжение последних десяти минут.

— Видишь? — сказал я. — Обычная книга.

Я поднял обложку.

Страницы были пустыми.

Не просто чистыми — на них не было ни единого следа чернил, разметки, старых записей. Бумага выглядела новой, хотя края пожелтели от времени, как будто книгу когда-то очень долго хранили и лишь недавно распечатали заново. Я медленно перелистнул несколько листов. Потом ещё.

Нина включила внутреннюю камеру.

— На экране ничего нет.

— Пустые страницы.

— Нет. На экране нет книги.

Я добрался до середины. На развороте появилась единственная чёрная точка.

Она росла.

Из неё вытянулась тонкая линия, затем вторая. Чернила расплзались по бумаге, как трещины по льду, складываясь в буквы.

«Обнаружен незарегистрированный наблюдатель».

— Что ты видишь? — спросил я.

— Какой наблюдатель?

— Значит, то же самое.

Под первой строкой появилась следующая:

«Нина Сергеевна Рубежная».

Нина отступила от стекла — быстро, инстинктивно, как отступают от края крыши.

«Родовой доступ: отсутствует».

«Служебный доступ: отсутствует».

«Допуск к Нулевому каталогу: запрещён».

Защитный экран перед ней погас. Из динамика донёсся короткий треск, а затем переговорное устройство отключилось совсем.

Я вскочил.

— Нина?

Она что-то ответила, но через толстое стекло я не расслышал ни слова. Судя по выражению лица — ничего приятного.

На странице появилась ещё одна строка:

«Продолжение возможно после удаления постороннего лица».

Я захлопнул книгу резче, чем собирался.

Экран сразу включился.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Оно знает моё полное имя.

— Твой пропуск лежит рядом.

— Оно невидимо для терминалов, но читает пропуска?

— Логично.

— Нет, Клим. Ничего из происходящего не логично.

Она открыла дверь изолятора — резче, чем требовалось.

— На сегодня достаточно. Запираем книгу и вызываем специалистов.

Я не спорил. В основном потому, что мне самому хотелось оказаться подальше от этого стола.

Мы положили книгу в сейф для активных артефактов. Как и раньше, переместить её мог только я — так, будто предмет признавал одни-единственные руки во всём отделе. Нина закрыла дверцу, установила механический замок и наложила простую сигнальную печать.

На мониторе сейф отображался пустым.

— Я схожу в серверную, — сказала она. — Проверю, откуда книга могла получить данные пропуска. Ничего не открывай.

— Она в сейфе.

— Ничего не открывай вообще.

— Постараюсь не моргать.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Нина ушла. Бронзовые двери закрылись за ней с глухим, окончательным звуком.

В отделе стало тихо — той особенной библиотечной тишиной, в которой слышно, как гудят лампы под потолком.

Я сел за стойку и попытался вернуться к журналу поступлений. Перед глазами всё ещё стояли чёрные строки с именем Нины, будто выравненные изнутри. Через несколько минут терминал сообщил, что рабочий день закончен и мне следует покинуть закрытый фонд.

Я отключил уведомление.

Со стороны изолятора донёсся шелест страницы.

Сначала я решил, что показалось.

Потом шелест повторился — размеренный, терпеливый, как будто кто-то методично листал книгу в поисках нужного места.

Сейф оставался закрытым. Сигнальная печать горела ровным синим светом.

Чёрная книга лежала на моей стойке.

Она была открыта примерно посередине.

Я медленно поднялся.

На левой странице появилась каталожная запись:

Объект: Клим Андреевич Северов

Категория: запрещённое издание

Статус: единственный экземпляр

Дата передачи на хранение: 14 февраля 2007 года

Место хранения: Императорская публичная библиотека

Повреждение памяти: 63 процента

Утрата души: не обнаружена

Ниже медленно, буква за буквой, проступила ещё одна строка:

Срок возврата превышен на двадцать лет, пять месяцев и одиннадцать дней.

Просрочку считали с даты регистрации, не с моего дня рождения. В ту ночь мне было восемь, девять исполнилось позже. Библиотечная арифметика хотя бы здесь не врала.

Я перечитал запись трижды. Дата совпадала с ночью, когда меня нашли между стеллажами. Об этом не знал почти никто на свете. Даже в личном деле значилось только, что восьмилетнего ребёнка обнаружили зимой возле служебного входа — сухая казённая строка, за которой я двадцать лет прятал вопросы, на которые не находил ответа.

В деле написали не совсем то, что было, но спорить с казённой бумагой в восемь лет я не догадался.

Чернила на правой странице пришли в движение.

Наследник найден.

Желаете восстановить доступ?

Под вопросом появились два слова:

Да.

Нет.

Я не коснулся страницы.

Книга терпеливо ждала — так, будто у неё, в отличие от

меня, было сколько угодно времени.

Глава 3. Желаете восстановить доступ?

Я смотрел на два слова и пытался решить, какое из них убьёт меня быстрее.

Слово «да» выглядело подозрительно. Слишком короткое, слишком удобное — и размещённое на странице древней книги, которая уже успела назвать меня просроченным запрещённым изданием.

«Нет» нравилось больше. Оно оставляло надежду закрыть книгу, вызвать охрану и прожить остаток вечера без общения с предметами, знающими о состоянии моей души больше, чем я сам.

Но если от древней магической системы требуется выбрать между двумя вариантами, безопасным, как правило, не оказывается ни один.

— Условия покажи, — сказал я.

Книга не отреагировала.

— Полный перечень последствий восстановления доступа.

Чернила оставались неподвижными.

— Кто является владельцем системы?

Ничего.

— Как удалить мою запись из каталога?

Страница продолжала ждать ответа, будто изначально не собиралась отвечать ни на один вопрос, кроме того единственного, который её действительно интересовал.

— Очень содержательный разговор.

Я обошёл стойку и посмотрел на сейф в изоляторе. Дверца была закрыта, печать не повреждена. Если книга переместилась оттуда сама, удержать её до утра всё равно не получится — эта мысль пришла спокойно и от того была особенно неприятной.

Оставался очевидный вариант: уйти и позволить княжне Зориной разбираться с находкой самостоятельно.

Я направился к выходу.

На бронзовых дверях загорелась красная надпись:

«Перемещение архивного объекта за пределы места хранения запрещено».

Замок не открылся.

— Я сотрудник, а не архивный объект.

Надпись мигнула, коротко и почти насмешливо:

«Уточнение отклонено».

— Разумеется.

Приложил служебный пропуск ещё раз. Панель подтвердила моё имя, должность и право выхода из закрытого фонда. Затем невозмутимо сообщила, что посетитель Клим Северов может покинуть помещение, но объект Клим Северов обязан остаться на полке.

— Тогда выпустите посетителя.

«Разделение объекта невозможно без повреждения души».

— И не нужно. Это была проверка.

Я вернулся к стойке.

Книга по-прежнему лежала открытой. Под вариантами ответа появилась новая строка, и от её появления в горле у меня стало сухо:

До передачи невостребованного объекта на утилизацию: 9 минут 42 секунды.

Счётчик уменьшался — методично, без единого сбоя, как метроном, которому решительно всё равно, что происходит рядом.

— А вот теперь появились условия.

Я попытался закрыть книгу. Обложка не сдвинулась. Поднять её со стойки тоже не получилось. Переплёт словно стал частью деревянной поверхности, вплавился в неё намертво.

Достал телефон. Связи не было. Внутренняя сеть показывала, что закрытый фонд временно отключён от системы библиотеки.

Я нажал кнопку тревоги под столом.

Ничего.

— Нина, — позвал я.

Ответа не последовало.

Счётчик показывал девять минут.

Я взял металлическую линейку и коснулся слова «Нет».

Ничего.

Прижал сильнее.

Линейка прошла сквозь страницу, будто её и не было.

— Только рукой, значит.

Книга не возражала.

Я ещё раз перечитал запись о себе. Категория: запрещённое издание. Статус: единственный экземпляр. Для системы книга и я были связаны одной карточкой — этой мысли хватило, чтобы по спине пробежал холодок отдельно от всякой магии. Если отказаться от восстановления, не востребовавший объект отправят на утилизацию.

Возможно, уничтожат переплёт.

Возможно, меня.

Проверять не хотелось.

Я коснулся слова «Нет».

Холод прошёл по пальцам и поднялся до локтя — быстро, целенаправленно, будто у него была своя, отдельная от меня воля. Чернила исчезли. На их месте появилась новая запись:

Восстановление родового доступа отклонено владельцем.

Объект не имеет зарегистрированного хранителя.

Запущена процедура списания.

Счётчик перескочил:

59 секунд.

— Предсказуемо.

Чёрная линия появилась под ногтем указательного пальца. Она двигалась вверх, заполняя тонкие сосуды, будто чер-

нила расползались уже не по бумаге, а по мне самому. Палец онемел. Через несколько секунд я перестал чувствовать кисть целиком.

— Отменить списание.

«Недостаточно полномочий».

— Восстановить доступ.

«Решение владельца зарегистрировано».

— Изменить решение.

«Изменение невозможно до завершения текущей операции».

— Текущая операция меня убьёт.

«Вероятность повреждения единственного экземпляра: 100 процентов».

— Спасибо за точный расчёт.

До утилизации оставалось сорок четыре секунды.

Я схватился за край страницы здоровой рукой. Бумага не порвалась. Попытался закрыть книгу, перевернуть, сбросить на пол — она не сдвинулась ни на миллиметр, будто была прибита к самому времени.

Холод дошёл до плеча.

За дверью показалась Нина. Она приложила пропуск к панели, но створки не открылись. Постучала по стеклянной вставке и что-то сказала — беззвучно для меня, как немое кино.

Я указал на книгу.

Нина увидела чёрные линии на моей руке и мгновенно пе-

рестала задавать вопросы. Достала телефон, вызвала охрану, затем начала вводить аварийный код — пальцы у неё двигались быстрее, чем я успевал следить.

Тридцать секунд.

— Повторное восстановление доступа после списания возможно?

«Объект будет уничтожен».

— Если процедура прервётся?

«Прерывание невозможно».

— Кто имеет право отменить операцию?

«Действующий хранитель Нулевого каталога».

— Назначить меня хранителем.

«Родовой доступ отклонён».

Двадцать секунд.

Нина ударила по панели разрядником. По бронзовым дверям пробежали искры, яркие и совершенно бесполезные. Замок не открылся.

Чёрные линии достигли шеи. Сердце сбилось с ритма — раз, другой, слишком заметно для того, чтобы это можно было списать на панику. Перед глазами начало темнеть.

Я заставил себя смотреть на страницу.

— Какая операция имеет больший приоритет, чем списание?

Книга ответила сразу — впервые за весь разговор без малейшей паузы:

«Восстановление доступа владельца».

— Запустить восстановление.

«Родовой доступ отклонён».

— Я отзываю отказ.

«Решение владельца зарегистрировано».

Десять секунд.

Бюрократия редко убивает человека лично. Обычно она требует подписать форму и подождать — эта мысль пришла мне в голову совершенно не вовремя и всё же оказалась спасительной.

Мне не хватало формы.

Я вспомнил, как терминал трижды спрашивал, действительно ли я хочу пожаловаться на Корсакова. Любая система оставляла возможность подтверждения — если разработчик хоть немного заботился о том, чтобы переложить ответственность на пользователя.

— Моё решение об отказе было принято без подтверждения.

Чернила дрогнули — впервые за весь разговор с чем-то похожим на сомнение.

Семь секунд.

— В соответствии с правилами Императорской библиотеки опасное действие требует повторного подтверждения владельца. Вы его не запросили. Операция начата с нарушением процедуры.

Книга молчала.

Пять секунд.

— Я требую отменить списание до подтверждения отказа.

На странице появилась новая строка, куда менее уверенная, чем всё, что я успел прочитать до этого:

«Обнаружено процедурное несоответствие».

Счётчик остановился на двух секундах.

Чёрная линия замерла у меня на щеке — так близко к глазам, что я ощутил её холод даже сквозь панику.

«Процедура приостановлена».

Я медленно выдохнул — воздух вышел неровно, дрожащим толчком.

За дверью Нина продолжала бить разрядником по панели, будто не заметила, что необходимость в этом уже отпала.

— Повторно запросить решение, — сказал я.

Страница очистилась.

Желаете восстановить доступ?

Под вопросом снова появились варианты.

На этот раз я нажал «Да».

Чернота под кожей отступила рывками, оставляя за собой мурашки. Чувствительность вернулась так резко, что руку пронзила боль — острая, почти приятная в своей обыкновенности. Я согнулся над стойкой, стараясь не потерять сознание.

Книга закрылась.

Бронзовые двери разблокировались. Нина влетела в отдел с разрядником в одной руке и аварийным топориком в другой — воинственная, растрёпанная, готовая рубить всё, что

попадётся под руку.

— Отойди от неё.

— Сейчас.

— Немедленно, Клим.

Она схватила меня за здоровую руку и оттащила к стене. Я не сопротивлялся. Ноги держали плохо, и это было почти забавно — учитывая, что несколько секунд назад я думал о куда более серьёзных проблемах, чем координация движений.

Нина осмотрела мою шею, лицо и пальцы — быстро, профессионально, как человек, который уже не в первый раз проверяет чужие повреждения и терпеть этого не может.

— Что произошло?

— Я выбрал «Нет».

— Хорошо, что ты не стал делать ничего опасного.

— Книга решила меня списать.

— В каком смысле?

— В бухгалтерском.

— Я видела, как у тебя чернели сосуды.

— Списание оказалось физическим.

Нина повернулась к книге. Та лежала на стойке с закрытой застёжкой и снова выглядела совершенно безобидной — будто и не пыталась только что превратить меня в чёрную статую.

— Уничтожим её, — сказала она.

— Не получится.

— В третьем хранилище есть печь.

— Предмет, который проходит сквозь инструменты и исчезает из сейфа, будет трудно положить в печь.

— Значит, сожжём стойку вместе с ним.

— Стойка казённая.

— Я только что видела, как тебя чуть не превратили в чёрную мумию, а ты переживаешь за мебель?

— За неё вычтут из зарплаты.

Нина выругалась — редкое явление. Обычно для выражения недовольства ей хватало одного взгляда, острого, как эта самая линейка, прошедшая сквозь страницу.

— Охрана уже идёт, — сказала она.

— Сколько у нас времени?

— Минуты три. Аварийная блокировка не дала им войти в старое крыло.

— Нужно отменить вызов.

— Нет.

— Княжна Зорина заберёт книгу.

— Пусть забирает.

— Она пришла за другим изданием с тем же шифром. Через несколько часов книга появилась на указанной полке. Это либо ловушка Зориных, либо то, что они ищут.

— Тем более не нужно держать её рядом.

— Книга считает меня своей частью. Если её попытаются унести, неизвестно, что случится со мной.

Нина посмотрела на мою руку. Под кожей ещё оставались

тонкие серые следы — тени той черноты, что едва не добра-
лась до сердца.

— Что ты предлагаешь?

— Сказать охране, что сработал неисправный контур.

— А завтра во время проверки они найдут книгу.

— До завтра разберёмся, как её скрыть.

— Мы?

— Ты уже знаешь слишком много.

— Очень удобно.

— Я хотел предупредить.

— Когда? До или после того, как нажал кнопку в прокля-
той книге?

— Между этими событиями было мало свободного вре-
мени.

Нина закрыла глаза, досчитала до пяти и убрала топорик
— с явным сожалением, будто он ещё мог пригодиться.

— Хорошо. Но если она ещё раз попытается тебя убить,
я найду способ её сжечь.

— Согласен.

— Вместе со стойкой.

— Это излишне.

— Вместе со всем отделом.

— Теперь уже похоже на злоупотребление полномочиями.

В коридоре слышались шаги. Нина спрятала разрядник
в ящик, быстро открыла панель управления и вернула стан-
дартное освещение. Я застегнул воротник, скрывая серые

линии на шее, — жест, к которому мне предстояло привыкнуть куда быстрее, чем хотелось бы.

Книга оставалась на стойке.

— А её куда? — спросила Нина.

Я взял переплёт. Он снова оказался материальным только для меня. Подошёл к стеллажу С и положил книгу на семнадцатую полку.

Как только я убрал руки, предмет исчез.

Не только с камер.

Я перестал видеть его сам — и на мгновение испытал странную, совершенно неуместную тоску, как будто выпустил из рук что-то живое.

— Где она? — спросила Нина.

— На месте, надеюсь.

Бронзовые двери открылись. В отдел вошли трое охранников в серой форме. Старший держал жезл подавления, двое других направляли перед собой арканометры, готовые к чему угодно, кроме того, что происходило на самом деле.

— Поступил сигнал тревоги, — сказал старший.

— Ложное срабатывание изоляционного контура, — ответила Нина. — Мы проводили диагностику нового поступления.

— Какого поступления?

Она указала на коробку с обломками шумерской таблички.

— Предположительно проклятый археологический объ-

ект. Оказался подделкой.

Охранник посмотрел на меня.

— Почему была заблокирована внутренняя связь?

— Несовместимость старой защиты с обновлённой системой, — сказал я.

— Вы ранены?

— Ударило разрядом.

Он провёл арканометром вдоль моей руки. Прибор показал слабый след неизвестной энергии, но не смог определить источник — совершенно закономерно, учитывая, что источник в этот момент делал вид, будто его не существует, на семнадцатой полке в двух метрах от нас.

— Необходимо пройти в медицинский отдел.

— После завершения смены.

— Смена закончилась двадцать минут назад.

— Значит, самое время.

Охранник ещё раз осмотрел помещение. Его прибор не заметил книгу. Через минуту группа ушла, составив уведомление о нарушении техники безопасности — самая скучная бумага, какую я в жизни был рад получить.

Нина дождалась, пока шаги стихнут в коридоре.

— Мы только что солгали службе безопасности.

— Ты сказала, что объект предположительно проклят и оказался подделкой.

— Я говорила о табличке.

— Но не уточнила. Хорошая формулировка.

— Ты плохо на меня влияешь.

— Знакомые обычно говорят это позже.

Мы подошли к полке.

Для меня она тоже оставалась пустой. Я протянул руку туда, где должна была лежать книга. Пальцы встретили тёплый переплёт — раньше, чем глаза успели что-то увидеть.

Книга снова стала видимой.

На обложке светился знак Северовых, ровный и терпеливый, будто ждал именно этого прикосновения весь вечер.

— Она реагирует на тебя, — сказала Нина.

— Очень наблюдательно.

— Я серьёзно. Без контакта книга исключает себя из восприятия. Возможно, именно поэтому её не нашли во время ликвидации архива.

— Или она ждала наследника.

— Тебя нашли в библиотеке рядом с карточкой. Теперь здесь появилась книга, в которой ты записан как объект. Всё связано.

— Спасибо. Я надеялся на ряд неприятных совпадений.

Знак на переплёте стал ярче. Застёжка открылась сама.

Страницы начали переворачиваться.

— Я ничего не делал, — сказал я.

— Ты восстановил доступ.

— Под угрозой уничтожения. Это должно учитываться.

— Расскажи об этом книге.

Перелистывание ускорилося. Вокруг нас поднялся ветер

— настоящий, осязаемый, взявшийся из ниоткуда. Каталогные карточки вылетели из ящиков, закружились под потолком и начали складываться в длинную спираль, будто отдел решил станцевать собственный, очень архивный танец.

Нина попыталась отойти, но бронзовые двери снова закрылись.

Световые сферы под потолком погасли одна за другой. Осталась только настольная лампа, освещавшая чёрный переплёт узким, дрожащим кругом света.

На открытой странице появилась надпись:

Запущено восстановление Нулевого каталога.

Следом возникли новые строки:

Идентификация владельца невозможна.

Требуется подтверждение крови.

— Не вздумай резать руку, — сказала Нина.

— Не собираюсь.

Из застёжки выдвинулся тонкий металлический шип.

— Очень предусмотрительная система, — заметил я.

— Отойди.

Я не успел.

Книга дёрнулась под ладонью. Шип распорол защитную перчатку и вошёл в палец. Капля крови упала на страницу.

Боль была слабой. Хуже оказалось другое чувство — будто что-то на мгновение посмотрело изнутри моего тела, оценивающе, без всякой злобы, просто по долгу службы.

Кровь не растеклась. Она собралась в круглую печать и

исчезла в бумаге, не оставив ни следа, ни капли.

Кровь рода подтверждена.

Назовите полное имя.

— Не отвечай, — сказала Нина.

На пальце выступила новая капля. Шип оставался в коже.

— Если промолчу, она продолжит брать кровь.

— Вырви руку.

Я попытался. Пальцы не слушались.

Книга ждала — терпеливо, как хищник, у которого нет причин торопиться.

— Клим Андреевич Северов.

Шип втянулся. Я отдёргнул руку.

По страницам пробежали золотые линии.

Личность подтверждена.

Права наследования: действительны.

Родовой статус: ликвидирован внешним решением.

Внутренний статус: последний хранитель.

Восстановление доступа: 1 процент.

Строки отделились от бумаги и повисли в воздухе — прямо передо мной, невесомые и абсолютно реальные.

Я моргнул.

Они не исчезли.

Закрыв глаза.

Текст остался передо мной, будто теперь жил не на странице, а где-то в глазных нервах.

— Ты это видишь? — спросил я.

— Книгу и светящиеся страницы.

— Надпись в воздухе?

— Какую надпись?

Перед глазами появился новый блок:

Имя: Клим Андреевич Северов

Уровень: отсутствует

Класс: не назначен

Магический контур: 0

Состояние души: стабильно

Повреждение памяти: 63 процента

Доступные полномочия рода: 1 процент

Я провёл рукой сквозь строки. Они не ощущались — прошли сквозь пальцы, как проходили сквозь книгу манипуляторы совсем недавно.

— Похоже, у меня галлюцинации.

— Что именно ты видишь?

Я прочитал ей данные вслух, слово за словом, и от произнесённого вслух они прозвучали ещё нелепее.

— У тебя появился интерфейс?

— Или последствия списания.

— Спроси, можно ли его отключить.

— Отключить интерфейс.

Текст исчез.

— Получилось?

— Да.

Перед глазами сразу возникло уведомление:

«Интерфейс скрыт. Критические сообщения будут отображаться автоматически».

— Почти получилось.

Книга продолжала перелистывать страницы. Процент восстановления медленно рос, цифра за цифрой, как индикатор загрузки, который ты никак не можешь ускорить.

Пять.

Одиннадцать.

Восемнадцать.

На двадцати трёх процесс остановился.

Обнаружено повреждение родového архива.

Большинство разделов недоступно.

Обнаружена одна незавершённая операция.

— Какая ещё операция? — спросил я.

Страница ответила:

Внешний запрос от 14 февраля 2007 года.

Адресат: Нижний реестр, Седьмая канцелярия.

Состояние: соединение прервано до согласования условий.

Возобновить операцию?

Под вопросом не было вариантов.

— Нет, — сказал я.

«Команда не распознана».

— Отменить операцию.

«Недостаточно полномочий».

— Удалить запрос.

«Удаление активного обращения запрещено».

— Оставить всё как есть.

«Восстановление доступа требует завершения приостановленных операций».

Нина посмотрела на страницы. Сам текст она не видела, но по моему лицу поняла, что ничего хорошего там нет, — этого у неё было не отнять.

— Что оно хочет?

— Возобновить внешний запрос, отправленный двадцать лет назад.

— Кому?

— В Нижний реестр Седьмой канцелярии.

— Звучит как государственное ведомство.

— Государственные ведомства редко называют себя Нижними.

— Ничего не подтверждай.

— Книга не предлагает выбора.

На странице появилась новая строка:

Для завершения восстановления операция будет возобновлена автоматически.

Под ней возник счётчик.

Три.

— Отойти от книги, — сказал я.

Два.

Нина схватила со стола разрядник.

Один.

Настольная лампа погасла.

Из книги ударил поток ледяного воздуха. Каталожные карточки замерли под потолком, затем разом упали на пол — сухим, дробным дождём. Защитные знаки на стенах вспыхнули и тут же почернели, будто их выжгло изнутри.

В центре отдела появилась тонкая вертикальная линия.

Она расширилась, превратившись в тёмную щель. За ней не было ни стены, ни соседнего помещения — только огромное пространство, уходящее вниз, красные огни и бесконечные ряды шкафов, теряющиеся где-то за пределами того, что способен вместить человеческий взгляд.

Оттуда пахло горячим металлом, пеплом и старой бумагой.

— Это портал? — прошептала Нина.

Пальцы у неё дрожали, но разрядник она держала точно направленным в центр щели.

— Похоже на архив.

— Тебя сейчас серьёзно волнует классификация?

— Профессиональная привычка.

Из щели шагнул мужчина в чёрном костюме.

Высокий, худой, с аккуратно зачёсанными седыми волосами. На руках — тёмные перчатки, под мышкой — толстая папка с металлическими уголками, из тех, что производят впечатление одним своим весом.

Он оглядел закрытый фонд, посмотрел на Нину, затем на меня — неторопливо, оценивающе, как ревизор, который

уже прикинул стоимость всего, что видит.

Щель за его спиной закрылась.

Мужчина достал из кармана часы.

— Двадцать лет, пять месяцев и одиннадцать дней, — произнёс он. — Признаюсь, Северовы всегда отличались способностью затягивать переговоры.

— Мы вас не вызывали, — сказала Нина.

Он посмотрел на неё так, словно только что обнаружил постороннюю пометку на важном документе — раздражающую, но не заслуживающую немедленного вычёркивания.

— Молодая женщина, если бы за каждый подобный ответ мне выдавали душу, я давно возглавил бы канцелярию.

Мужчина положил папку на стойку и протянул мне руку.

— Вельзар. Аудитор Седьмой inferнальной канцелярии.

Я не пожал её.

— Клим Северов. Библиотекарь.

— Я знаю.

— Тогда зачем представлялись?

Вельзар медленно улыбнулся — так, как улыбаются люди, для которых улыбка давно превратилась в один из рабочих инструментов.

— Потому что, Клим Андреевич, для заключения договора стороны должны знать имена друг друга.

Глава 4. Договор мелким почерком

— Мы не будем заключать договор, - сказал я.

Вельзар продолжал держать руку протянутой.

— Разумная начальная позиция.

— Это окончательная позиция.

— Так обычно говорят люди, ещё не ознакомившиеся с задолженностью.

Он опустил руку без заметного раздражения, снял перчатки и положил их на папку. Пальцы у него выглядели человеческими. Никаких когтей, чешуи или горящих знаков. Только ногти были слишком ровными, будто их не подстригали, а чертили по линейке. Листы отдавали холодом, словно их слишком долго держали в закрытом шкафу.

Нина направила на него разрядник.

— Вернитесь туда, откуда пришли.

Вельзар посмотрел на оружие.

— Бытовая модель на тридцать тысяч вольт. Против существа моего класса бесполезна, но намерение похвально.

— Хотите проверить?

— Нет. Я доверяю техническому описанию.

Он повернулся ко мне.

— Предлагаю перейти к делу. Моё время дорого, а ваше, судя по состоянию родового архива, может закончиться в любой момент.

— Сначала объясните, как вы сюда попали.

— По открытому запросу.

— Я его не отправлял.

— Его отправил предыдущий хранитель.

Вельзар коснулся папки. Металлические уголки разошлись, и она раскрылась сама. Внутри лежали листы серой бумаги, исписанные мелким чёрным текстом. Запах чернил смешивался с пылью - сочетание знакомое, почти домашнее, если не смотреть на содержание.

На первом стояла дата:

14 февраля 2007 года.

— Ваш отец обратился в Нижний реестр с просьбой обеспечить перемещение и сокрытие единственного наследника рода, доступного Нижнему реестру, - сказал Вельзар. - Услуга была оказана. Форму оплаты Андрей Михайлович зарегистрировал заранее, но закрыл её содержание до восстановления доступа.

На словах «доступного Нижнему реестру» Нина едва заметно нахмурилась, но ничего не спросила.

У меня пересохло во рту.

— Отец вызвал вас?

— Он вызвал канцелярию. Я являлся дежурным аудитором.

— Вы помогли ему отправить меня в библиотеку?

— Мы предоставили энергию для перемещения живого объекта через закрытый архивный канал, скрыли след души

и заблокировали внешнее наблюдение. Без нашей помощи вас обнаружили бы через несколько минут.

Нина опустила разрядник, но не убрала.

— Почему требование предъявляют Климу, если заказчиком был его отец?

Вельзар посмотрел на неё почти одобрительно.

— Потому что Андрей Северов связал исполнение с будущим владельцем восстановленного доступа.

— Чем он подтвердил эту связь?

Демон перевернул страницу.

В центре листа находился отпечаток детской ладони.

Моей.

— Биометрическим ключом перемещаемого объекта, - ответил Вельзар. - Отпечаток связывает Клима, маршрут и будущий доступ к Нулевому каталогу.

Нина снова подняла разрядник.

— Ему было восемь лет.

— Именно поэтому отпечаток подтверждает только личность. Он не является согласием ребёнка, подписью договора или передачей души.

— Значит, это не залог души?

— Нет. Обеспечением служит восстановленный доступ к Каталогу и обязанность выполнить одну заранее зарегистрированную услугу.

Я заставил себя смотреть на отпечаток. Первые несколько секунд Вельзар позволил нам принять его за нечто худшее,

не произнеся прямой лжи.

— Отец не отдавал вам мою душу?

— Нет. Он не мог передать то, что ему не принадлежало. Андрей Михайлович передал будущему хранителю обязанность исполнить зарегистрированную услугу.

— Тогда почему система угрожает отделением души?

— Потому что час назад система зарегистрировала восстановление ваших прав хранителя. Вместе с доступом вы приняли незавершённые операции и взыскания Каталога. Душа не была залогом, но после подтверждения ваш статус хранителя и связанная с ним душа снова стали одной записью, на которую уже было наложено взыскание.

— То есть я принял наследство вместе с долгами.

— Наконец-то человеческое право сформулировало что-то точно.

Перед глазами вспыхнуло уведомление:

Обнаружено внешнее требование к объекту.

Основание: просроченная зарегистрированная услуга.

Статус требования: действительное.

— Очень вовремя, - пробормотал я.

— Что там? - спросила Нина.

Я прочитал сообщение вслух.

Вельзар улыбнулся:

— Приятно иметь дело с системой, которая различает цену, обеспечение и штраф.

— У меня другое мнение.

— Оно не влияет на обязанность исполнения.

— Какую именно услугу вы оказали и чем она оплачивается? Формулировка полностью.

Вельзар развернул папку ко мне.

Текст был написан на дореволюционном русском языке с вкраплениями незнакомых знаков. Некоторые строки двигались, меняясь местами. Чем дольше я читал, тем сильнее болели глаза.

В верхней части стояло:

Временное обязательство Нижнего реестра по перемещению, сокрытию и сохранению объекта, обладающего неотделимой человеческой душой, до момента назначения нового хранителя Нулевого каталога.

— Объектом был я.

— Верно.

— Новым хранителем тоже являюсь я.

— Теперь верно.

— Значит, срок услуги завершился.

— Именно поэтому наступило время исполнения встречной услуги.

— Денег вы не принимаете?

— Принимаем. Однако стоимость двадцатилетнего сокрытия души последнего носителя редкого родового дара несколько превышает жалование библиотекаря.

— Назовите сумму.

Вельзар назвал.

Я мысленно перевёл её в стоимость квартир в центре Петербурга. Получилось небольшое жилое здание.

— У меня нет таких денег.

— Я ознакомился с вашим финансовым положением до прибытия.

— И всё равно назвали сумму?

— Отдел взыскания требует предлагать денежный способ оплаты.

— Очень человечно.

— Не оскорбляйте меня.

Нина подошла к папке, не опуская оружие.

— Что произойдёт, если он полностью откажется от исполнения?

Разговор продолжался спокойно. Именно это спокойствие и настораживало.

— Доступ будет закрыт, а штрафной протокол продолжит отделение души.

— То есть штраф всё равно позволит вам забрать его душу?

— Только после исчерпания сроков, отказа от апелляции и смерти исполнителя. До этого Клим Андреевич сохраняет право исполнить услугу или оспорить взыскание.

— А отделение до смерти обратимо?

— До окончательного решения каждая изъятая доля хранится отдельно и подлежит возврату при исполнении или успешной апелляции.

— Вы называете это хранением?

— Канцелярия называет. Я сообщаю термин.

Нина посмотрела на меня.

— Нужен юрист.

— Желательно живой, - добавил я.

— Я могу предоставить специалиста Седьмой канцелярии, - предложил Вельзар.

— Спасибо, но специалист, получающий зарплату в месте, которое претендует на мою душу, не кажется независимым.

— У вас предвзятое отношение к инфернальной юриспруденции.

— Оно появилось примерно минуту назад.

Вельзар перелистнул несколько листов.

— Денежная форма является обязательной формальностью. Ваш отец заранее определил действительную оплату: будущий хранитель выполнит для Нижнего реестра одну архивную операцию.

— Одну?

— Состоящую из двенадцати связанных действий.

— То есть двенадцать.

— Одну цепочку.

— Если я возьму двенадцать разных книг, библиотека не разрешит назвать их одним изданием.

— Поэтому вы работаете с книгами, а я с договорами.

Он вынул из папки отдельный лист. В верхней части на-

ходилась знак из двух переплетённых кругов.

Предмет договора: обнаружение и устранение двенадцати зарегистрированных небесных агентов, незаконно действующих на территории человеческого мира.

Я перечитал дважды.

— Вы хотите, чтобы я убивал ангелов?

— Термин «ангел» является религиозным и юридически неточным. В договоре используется понятие «небесный агент».

— Они существуют?

Вельзар обвёл взглядом погасшие защитные знаки.

— Вы разговариваете с демоном в библиотеке, которая считает вас книгой. Именно существование ангелов вызывает сомнения?

На мгновение разговор остановился, словно и ему потребовалось проверить собственные условия.

— Ваше существование я тоже пока не признал.

— Для этого не требуется отдельная подпись.

Нина посмотрела на строку.

— Почему вы не можете устранить их сами?

— На Земле действует Завеса. Прямое вмешательство существа высшего порядка оставляет след и вызывает ответ противоположной стороны. Мы можем заключать договоры, передавать ограниченную силу и сопровождать исполнителей. Самостоятельно охотиться на небесных агентов запрещено.

— Кем?

— Соглашением, которое старше большинства человеческих государств.

— Удобное соглашение, - сказал я. - Все риски получает человек.

— Люди имеют редкий талант создавать риски без нашей помощи.

— Что сделали эти двенадцать?

Вельзар положил два пальца на знак договора.

Над папкой возникло изображение города.

Я не сразу понял, какого. Белые здания, широкая река, мосты. Люди шли по улицам, машины стояли в пробках, над домами двигались рекламные проекции. Затем небо стало ослепительно белым.

Люди остановились.

Через несколько секунд они начали падать.

Изображение сменилось. Больничная палата. Женщина в белой одежде держала руку над ребёнком. Свет перетекал из его груди в кристалл. На соседней кровати лежал пожилой мужчина с родовым гербом на одеяле. Его лицо разглаживалось, дыхание становилось ровнее.

Следующая сцена показывала подземное помещение. Вдоль стен стояли стеклянные сосуды, внутри которых двигались человеческие силуэты.

Изображения исчезли.

— Через одиннадцать месяцев небесные агенты начнут

процедуру очищения, - сказал Вельзар. - Погибнут миллионы людей. Двенадцать целей обеспечивают подготовку операции.

— Это будущее?

— Один из наиболее вероятных вариантов.

— Вероятный не означает неизбежный.

— Вы правы. Устранение целей снизит вероятность до приемлемого значения.

— Откуда изображения?

— От наших наблюдателей.

— Они могут быть подделкой.

— Могут.

Я посмотрел на него.

— Вы даже не будете отрицать?

— Я не заинтересован убеждать вас очевидной ложью. Любое изображение можно подделать. Поэтому договор предусматривает предоставление информации, необходимой для самостоятельной проверки целей.

— Всей информации?

— Необходимой.

— Это разные вещи.

— Именно поэтому в договоре стоит второе слово.

Нина наклонилась к моему уху.

— Ничего не подписывай.

— Пока и не собираюсь.

Вельзар услышал.

— Тогда Нижний реестр применит штрафной протокол.

— Вы не можете забрать душу до моей смерти.

— Верно.

— Значит, у меня есть время найти другой способ.

— Разумеется.

Он закрыл папку.

Чёрные линии под кожей моей руки снова проступили.

Внешнее требование подтверждено.

В отсутствие предварительного протокола запускается обратимое отделение первой доли.

Начало обратимого отделения первой доли души: 4 минуты 59 секунд.

— Вы сказали, что заберёте её после смерти.

— Я сказал, что Нижний реестр получит душу после смерти. Обратимую первую долю можно выделить заранее и держать в условном хранилище до решения. Это не даёт нам права распоряжаться ею, но заметно осложняет вам жизнь.

Нина ударила Вельзара разрядником.

Синий разряд прошёл через его грудь. Воздух запах озонном. Демон слегка качнулся, посмотрел на обгоревший край пиджака и аккуратно расправил ткань. Магия оставила на языке горький металлический привкус, от которого не помогало сглатывание.

— Как я и говорил, модель бесполезна.

— Но пиджак испортила, - сказала Нина.

Вельзар осмотрел подпалину.

— Незначительно.

Он щёлкнул пальцами. Ткань восстановилась.

— Ненавижу магию, - сказала Нина.

— А я дешёвую синтетику, - ответил демон.

Счётчик продолжал идти.

— Остановите процедуру на время переговоров, - потребовал я.

— После получения предварительного согласия.

— Я согласен обсуждать договор. Это не означает согласия с его условиями.

Строки перед глазами изменились:

Переговоры начаты.

Взыскание приостановлено на 30 минут.

— Вот теперь можно разговаривать, - сказал Вельзар.

— Полный текст.

— Перед вами.

— Весь.

Он коснулся папки.

На стойку обрушилась стопка бумаги высотой примерно в полметра.

Нина присвистнула.

— Сколько страниц?

— Девятьсот сорок восемь, не считая приложений, - ответил Вельзар.

— Полчаса недостаточно.

— Тогда рекомендую читать существенные условия.

— Кто определяет существенность?

— Седьмая канцелярия.

— Разумеется.

Я взял первый лист. Текст был мелким, но обычным. По крайней мере, первые три строки не пытались двигаться. В воздух поднялась тонкая бумажная пыль, и на языке появился горьковатый привкус старого архива.

— Нина, сканер.

Она уже доставала планшет.

Вельзар поднял ладонь:

— Создание копий запрещено.

— Почему?

— В договоре содержится служебная информация.

— Тогда переговоры окончены.

Чёрные линии на руке двинулись вверх.

Вельзар несколько секунд смотрел на меня.

— Допускается временная копия без права передачи третьим лицам.

— Нина уже третье лицо.

— Она присутствовала при возобновлении операции и может быть зарегистрирована свидетелем.

— С какими обязательствами?

— Неразглашение и запрет препятствовать исполнению.

— Нет, - сказала Нина.

— Она не будет свидетелем, - подтвердил я. - Но участвует как мой помощник.

— Договор не предусматривает помощника.

— Тогда предусматривайте.

— Клим, - начала Нина.

— Мне нужно, чтобы кто-то сохранил копию, если книга снова решит меня списать.

Вельзар постучал пальцем по папке.

— Один человеческий помощник. Без доступа к inferнальным полномочиям. Под вашей полной ответственностью.

— Помощник не становится стороной договора, не несёт обязательств и не может использоваться как залог, штраф или средство давления.

— Средство давления является оценочным понятием.

Я позволил паузе затянуться. Люди и не только люди часто добавляют важное, когда им кажется, что ответ не принят.

— Тогда перечислим: причинение вреда телу, душе, памяти, имуществу, родственникам и профессиональной репутации.

— Вы часто составляете договоры?

— Я часто выдаю книги людям, которые ищут способы их не возвращать.

Вельзар слегка улыбнулся.

— Условие принято.

Нина нахмурилась.

— Странно. По документу будто ничего не изменилось, словно этот вариант уже был в нём раньше.

На отдельном листе появилась фамилия Нины. Она посмотрела на меня без благодарности.

— Я ещё не согласилась помогать.

— Можешь отказаться.

— И оставить тебя наедине с ним?

— Это было бы разумно.

— Именно поэтому нельзя.

Она запустила сканирование.

Программа распознавала текст, сравнивала повторяющиеся формулировки и отмечала противоречия. Первые ложухи нашлись на одиннадцатой странице.

Исполнитель должен был «следовать распоряжениям сопровождающего лица в любых обстоятельствах».

— Удалить, - сказал я.

— Сопровождающий отвечает за вашу безопасность, - возразил Вельзар.

— Тогда его распоряжения носят рекомендательный характер.

— Это снизит эффективность.

— Зато повысит вероятность, что я подпишу.

Формулировка изменилась.

На тридцать седьмой странице обнаружилось право заказчика менять очерёдность и количество целей.

— Количество фиксированное. Двенадцать.

— Некоторые агенты могут разделяться.

— Это их проблема.

— Или создать самостоятельную копию.

— Новая цель потребует нового договора.

Вельзар неохотно исправил.

На восемьдесят второй странице говорилось, что все полученные при выполнении задания артефакты переходят заказчику.

— Половина остаётся мне.

— Десять процентов.

— Семьдесят.

— Пятнадцать.

— Тогда все расходы оплачивает канцелярия.

— Двадцать пять процентов и фиксированный бюджет на каждую операцию.

— Половина артефактов.

— Тридцать.

— Сорок и право первого выбора после предметов, принадлежащих цели лично.

Вельзар задумался.

— Принято.

Нина посмотрела на меня.

— Ты торгуешься за добычу?

— Если я всё-таки останусь без души, не хочу ещё оказаться в убытке.

На сто двадцатой странице находилось определение устранения:

Устранением считается физическое уничтожение небес-

ного агента с последующим подтверждением прекращения всех жизненных и служебных функций.

— Нет.

— Что именно вас не устраивает?

— Я не соглашусь убивать неизвестных существ только на основании вашего списка.

— Тогда договор не имеет смысла.

— Целью является прекращение их деятельности?

— Да.

— Запишите: цель считается устранённой, когда необратимо утрачивает статус действующего небесного агента.

Вельзар посмотрел внимательнее.

— Потеря такого статуса наступает после смерти.

— Тогда формулировка ничего не меняет.

— Именно поэтому я не понимаю, зачем она вам.

— Библиотекари любят точность.

— А демоны не любят лишние слова.

— В вашем договоре девятьсот сорок восемь страниц.

— Большинство написано людьми.

Он изменил условие.

Строка вспыхнула и осталась на бумаге.

Я запомнил её дословно.

Через двадцать минут мы добрались до раздела о наказаниях.

На каждое задание устанавливался срок. После его окончания договор начинал изымать у меня по одному личному

воспоминанию в сутки. Через семь дней право на душу полностью переходило Нижнему реестру.

— Воспоминания выбираю я, - сказал Вельзар.

— Нет.

— Тогда наказание теряет смысл.

— Пусть система выбирает случайно.

— Случайный выбор может удалить профессиональные знания и сделать исполнение невозможным.

— Значит, удаляются личные воспоминания, не связанные с заданием и необходимыми навыками.

— Принято.

— И срок не может быть короче тридцати дней.

— Для некоторых целей потребуется срочное вмешательство.

— Тогда вы предоставляете дополнительную помощь.

— Срок определяется отдельно, но не может составлять меньше семи суток, - предложил Вельзар.

— Четырнадцать.

— Десять.

— Двенадцать.

— Принято.

Перед глазами оставалось меньше восьми минут переговорного времени.

Нина нашла ещё несколько ловушек: право читать мою память, возможность временно передавать управление телом сопровождающему и обязанность выполнять «дополни-

тельные действия, необходимые для успеха».

Мы удалили первые два пункта. Последний заменили перечнем допустимых действий.

— Информация о целях, - напомнил я. - Вы предоставляете все известные сведения.

— Это невозможно. Часть данных относится к внутренним источникам.

— Тогда все сведения, способные повлиять на решение об устранении.

— Субъективно.

— Все сведения о происхождении, действиях, целях, человеческих жертвах и связях объекта.

— После подтверждения личности цели.

— До начала боевой операции.

— Принято.

Я понимал, что он всё равно оставил лазейки. Любые сведения можно спрятать под другим названием, признать непроверенными или получить после начала операции. Но времени разбирать девятьсот страниц не оставалось. Всё выглядело закономерным. Закономерности в последнее время обходились мне особенно дорого.

Перед глазами появился последний отсчёт.

Две минуты.

Вельзар собрал листы. Они сами сложились в тонкую папку, будто полметра бумаги никогда не существовало.

— Итоговые условия готовы.

На странице Нулевого каталога появился короткий текст:
Исполнитель: Клим Андреевич Северов
Исходный заказчик: Андрей Михайлович Северов

Администратор исполнения: Седьмая inferнальная канцелярия в лице аудитора Вельзара

Предмет: обнаружение и устранение двенадцати действующих небесных агентов

Оплата: выполнение ранее зарегистрированной услуги; штрафное требование к душе аннулируется после завершения цепочки; развитие доступа к Нулевому каталогу и передача согласованной части полномочий и артефактов

Сопровождение: один inferнальный исполнитель с ограниченными полномочиями

Человеческий помощник: допускается, обязательств не несёт

Минимальный срок задания: двенадцать суток

Критерий устранения: необратимая утрата целью статуса действующего небесного агента

Ниже находилась строка подтверждения.

— Где остальные условия? - спросил я.

— В приложении.

— Которое мы не можем сейчас проверить.

— Вы проверяли его двадцать семь минут.

— Мы дошли до сто девяностой страницы.

— Это больше, чем читает большинство исполнителей.

— Не успокаивает.

Нина вывела на планшет результаты сравнения.

— Он изменил ещё три пункта во время сворачивания текста.

Вельзар посмотрел на неё с искренним интересом.

— Какие?

— Убрал ограничение на наблюдение за Климом вне заданий. Вернул право выбирать способ доставки помощника. И добавил канцелярии возможность скрывать сведения, если они угрожают источнику.

— Последнее условие стандартное.

— Первые два вернуть, - сказал я.

— Способ доставки имеет техническое значение.

— Тогда вам всё равно.

Вельзар коснулся страницы.

— Исправлено.

Нина проверила.

— Теперь совпадает.

Оставалась минута.

— Последний вопрос, - сказал я. - Ангелы действительно готовят очищение?

— Да.

Он ответил без паузы.

— Все двенадцать участвуют?

— Все двенадцать необходимы для процедуры.

Не то же самое.

Я это заметил. Он заметил, что я заметил.

Но отсчёт показывал сорок секунд.

Если отказаться, душу начнут отделять. Если согласиться, придётся охотиться на существ, о которых я ничего не знал. Выбор был плохим, но хотя бы договор оставлял мне время и возможность проверять цели. С точки зрения логики всё сходилось. Именно поэтому хотелось проверить ещё раз.

Кроме того, где-то внутри Нулевого каталога находились мои воспоминания и правда о семье. Отказ означал снова отдать всё Зориным или Нижнему реестру.

Я коснулся строки подтверждения.

— Принимаю условия в окончательной редакции, проверенной моим помощником. Любые скрытые, изменённые или добавленные после подтверждения положения силы не имеют.

Вельзар поднял бровь.

— Осторожная формулировка.

— Работа такая.

Капля крови снова выступила из пореза на пальце и упала на страницу.

Свет в отделе стал красным.

Перед глазами развернулось сообщение:

Инфернальный договор зарегистрирован.

Требование на душу приостановлено до завершения цепочки заданий.

Количество целей: 12.

Устранено: 0.

По левому запястью прошла боль. На коже появилась тонкая чёрная линия, замкнувшаяся вокруг руки. Она напоминала нарисованный браслет.

Следом возникло новое сообщение:

Зафиксирован первый лично подтверждённый договор.

Назначен начальный класс: Архивариус Бездны.

Уровень: 1.

Разблокирована способность: Истинный каталог.

— Он подписал? - спросила Нина.

— Да.

— Добровольно? - уточнил Вельзар.

— Под угрозой отделения души.

— С юридической точки зрения угроза возникла из предыдущего обязательства, а не из нового договора.

— Когда-нибудь я найду способ вас ударить.

— Желательно предварительно ознакомиться с правилами.

Вельзар надел перчатки и взял папку.

— Ваш сопровождающий прибудет в течение нескольких минут. Она предоставит инструкции по работе с интерфейсом и первое задание.

— Она?

— Азарет. Опытный исполнитель.

— Почему не вы?

— Я занимаюсь договорами. Убийства требуют другого

темперамента.

— Успокаивает.

Вельзар подошёл к тому месту, где раньше находилась тёмная щель. Пространство раскрылось перед ним без звука. Тишина стала заметной, почти материальной; в ней отчётливо слышалось чужое дыхание.

— Клим Андреевич, один бесплатный совет.

— В договоре есть бесплатные услуги?

— Не привыкайте.

Он посмотрел на книгу.

— Нулевой каталог показывает истину. Но только ту её часть, к которой у владельца имеется доступ.

— Это предупреждение?

— Уточнение технических возможностей.

Вельзар шагнул в проход и исчез. Пространство сомкнулось.

Световые сферы под потолком зажглись. Защитные знаки вернули обычный синий цвет. Книга закрылась.

Несколько секунд мы с Ниной молчали.

— Ты заключил договор с демоном, - наконец сказала она.

— Формально с канцелярией.

— Это должно звучать лучше?

— Нет. Но точнее.

Она убрала планшет и посмотрела на чёрную линию вокруг моего запястья.

— Нужно показать её специалисту.

— Какому? Демонологу Зориных?

— Независимому.

— Такие существуют?

— Теперь придётся найти.

На странице каталога появилась новая строка:

Инфернальный сопровождающий назначен.

Имя: Азарет.

Состояние: доставка.

Расчётное время прибытия: 10 секунд.

— Она уже идёт, - сказал я.

— Откуда?

— Не указано.

Свет снова мигнул.

Под стеллажом С появилась тень. Она была слишком тёмной и быстро росла, хотя ни один источник света не менялся. Граница между тенью и светом выглядела слишком чёткой, почти проведённой по линейке.

Нина подняла разрядник.

— Если и эта начнёт рассказывать, что наша встреча предусмотрена старым долгом, я сначала ударю, потом буду слушать.

Из тени донёсся женский голос:

— Только попробуй, человек.

Глава 5. Демоническая техподдержка

Из тени показалась женская рука.

Пальцы вцепились в край нижней полки, будто кто-то пытался выбраться из глубокой ямы. Следом появилась вторая рука, затем голова и плечи. Тень растянулась по полу, выпуская высокую женщину в длинном чёрном пальто. Темнота проглотила мелкие звуки, и даже собственное дыхание стало казаться чужим.

Она поднялась одним плавным движением.

Тёмные волосы были собраны на затылке, только серебристая прядь падала на левую щеку. Лицо казалось слишком спокойным для существа, которое только что вылезло из-под книжного стеллажа. Женщина оглядела отдел, заметила направленный на неё разрядник и перевела взгляд на Нину.

— Убери оружие.

— Сначала руки покажи.

Женщина протянула ладони. На пальцах не было ногтей, но воздух вокруг них заметно дрожал.

— Довольна?

— Не особенно.

— Взаимно.

Нина нажала кнопку разрядника.

Женщина исчезла.

Синий разряд попал в пустую стену. В ту же секунду демоница возникла рядом с Ниной, перехватила её запястье и коротким движением заставила опустить руку. Разрядник упал на пол.

В другой руке незнакомки появился узкий чёрный клинок.

Холодное лезвие мягко скользнуло по коже на запястье Нины, не оставив пореза, - предупреждение, слишком точное для попытки убийства.

По моему запястью прошла боль. Линия контракта вспыхнула красным.

Перед глазами развернулось предупреждение:

Сопровождающий совершил действие, направленное на причинение вреда зарегистрированному человеческому помощнику.

Действие заблокировано.

Нарушение договора: 1.

Рука демоницы замерла. Она попыталась двинуть клинок, но пальцы не слушались. По её лицу впервые скользнуло настоящее выражение. Не страх, скорее глубокое профессиональное оскорбление.

— Отпусти её, - сказал я.

— Она напала первой.

— В договоре нет исключения для плохих решений.

Демоница разжала пальцы. Клинок рассыпался чёрным

пеплом. Нина отступила и подняла разрядник.

— Ещё раз подойдёшь, получишь в глаз.

— Попытайся.

— Хватит, - сказал я.

Обе посмотрели на меня.

Это было редкое ощущение. Обычно слово библиотекаря останавливало только людей, пытавшихся вынести книгу без регистрации.

Демоница медленно повернула запястье. На её коже появилась такая же чёрная линия, как у меня. Только у неё она была перечёркнута коротким красным штрихом.

— Человеческий помощник не несёт обязательств и не может использоваться как средство давления, - прочитала она. - Кто добавил это условие?

— Я.

— Вельзар позволил?

— После небольшого обсуждения.

— Он стареет.

— Демоны стареют?

— Вельзар стареет от скуки.

Она сняла пальто и перебросила через спинку стула. Под ним оказался серый костюм без знаков рода или ведомства. На поясе висели два коротких ножа в матовых ножнах.

— Азарет, inferнальный исполнитель третьего допуска. Назначена вашим сопровождающим.

— Вельзар называл вас Азарет.

— Именно это я и сказала.

— Можно Азра?

— Нет.

— Значит, можно.

Её глаза на мгновение стали янтарными.

— Контракт запрещает мне убивать тебя. Он ничего не говорит о переломах.

— Говорит. Страница четыреста двенадцать, обеспечение физической сохранности исполнителя.

Азра посмотрела на чёрную линию на руке, словно надеялась найти там ошибку.

— Ты прочитал четыреста двенадцатую страницу?

— До неё мы не дошли. Попросил программу найти упоминания телесных повреждений.

— Вельзар точно стареет.

Она подошла ближе и без разрешения взяла меня за подбородок. Повернула голову влево, вправо, заглянула в глаза.

— Худой.

— Среднего телосложения.

— Для архивиста, возможно. Для исполнителя непригоден.

Пальцы переместились на моё запястье. Азра несколько секунд считала пульс. Её прикосновение было холодным, а собственный пульс под пальцами вдруг показался слишком быстрым.

— Сердце слабое, мышечной защиты нет, магические ка-

налы не сформированы. Реакция ниже допустимой.

— Мы знакомы меньше минуты.

— Мне хватило десяти секунд.

— На одиннадцатой вы пытались перерезать горло Нине.

— Я оценивала угрозу.

— И как?

— Человек раздражающий, физически слабый, склонен принимать решения до завершения анализа.

— Похоже на тебя, - сказала Нина.

— А ты, - продолжила Азра, не глядя на неё, - компенсируешь отсутствие дара техническими средствами и агрессией.

— Спасибо.

— Это не похвала.

— От тебя другой не требуется.

Я отступил от Азры.

— Вельзар сказал, что вы объясните работу системы.

— Сначала проверю, что именно тебе доступно. Открой статус.

— Как?

— Представь, что хочешь увидеть свои параметры.

— Очень техническая инструкция.

— Система подстраивается под разум владельца. Если ты предпочитаешь письменный запрос, заполни заявление.

Я мысленно произнёс слово «статус».

Перед глазами появилось окно:

Имя: Клим Андреевич Северов

Раса: человек

Уровень: 1

Класс: Архивариус Бездны

Магический контур: 0

Сила: 7

Выносливость: 8

Реакция: 9

Восприятие: 14

Воля: 13

Резонанс: 1

Свободные очки характеристик: 0

Свободные очки навыков: 0

Ниже находился список состояний:

Инфернальный договор

Заблокированный родовой дар

Повреждение памяти

Единственный носитель крови Северовых, доступный

Нижнему реестру

— Семь единиц силы, - сказала Азра, когда я прочитал данные. - Даже хуже, чем я думала.

— Среднее значение человека десять.

— Ты ниже среднего.

— Работа сидячая.

— Небесный агент обязательно учтёт это и постарается убить тебя сидя.

Нина взяла с пола разрядник и проверила заряд.

— Что такое резонанс?

— Совместимость с высшими полномочиями, - ответила Азра. - Обычные люди почти не способны их удерживать. Сильные рода получают совместимость по наследству или через покровителя. У Климата показатель заблокирован вместе с даром.

— Его можно поднять?

— Пока он заблокирован, обычными очками нет. Первое внешнее полномочие снимет ограничение. После этого показатель можно развивать очками, правами, печатями и прямым контактом с командными ключами.

— Тогда Каталог может подарить Климу новый родовой дар? - спросила Нина.

— Нет. Родовой дар нельзя выдать как служебный пропуск. Каталог открывает административные полномочия через уже существующий дар Северовых. Они расширяют способ работы с записями, но не меняют его наследственную природу.

— Части чужих чего?

— Разберём, если он переживёт первое задание.

— Очень мотивирует, - сказал я.

Слова не требовали перевода, но всё равно нуждались в расшифровке.

— Я не занимаюсь мотивацией. Моя задача повысить вероятность выживания с неприемлемой до низкой.

— Какая она сейчас?

Азра посмотрела на меня, и её зрачки сузились.

— Тринадцать целых четыре десятых процента.

— Почему не округлить до тринадцати?

— Не люблю приукрашивать.

— Это заметно.

Я закрыл статус.

— Истинный каталог как использовать?

— Посмотри на объект и сформулируй вопрос. Чем точнее вопрос, тем полезнее ответ. На первом уровне увидишь только основную карточку.

Я посмотрел на Азру.

Что ты такое?

На несколько секунд ничего не произошло. Затем вокруг её фигуры появилась тонкая красная рамка. Перед глазами возник текст:

Имя: Азарет

Человеческое обозначение: Азра Мор

Классификация: inferнальное существо, исполнительная каста

Уровень доступа: скрыт условиями договора

Расчётная боевая опасность: четвёртый контур

Стабильность проявления: 32 процента

Активные ограничения: 7

Целостность памяти: 61 процент

Отношение к владельцу: данных недостаточно

В нижней части мелькнула дополнительная строка:

Обнаружено повреждение одного ограничивающего контура. Подробности недоступны.

Азра резко повернула голову.

— Не сканируй меня без предупреждения.

— Вы сказали проверить способность.

— На стуле.

— Что интересного каталог мог сообщить о стуле?

— Насколько удобно будет привязать к нему владельца.

— Стабильность проявления тридцать два процента, - сказал я. - Что произойдёт, если она упадёт до нуля?

— Меня выбросит обратно.

— Активных ограничений семь.

Азра шагнула ко мне.

— Уровень способности слишком низкий, чтобы читать мои печати.

— А целостность памяти шестьдесят один процент.

Она остановилась.

— Каталог ошибается.

— Он показывает истину.

— Доступную часть истины. Ты слышал Вельзара.

— Значит, оставшиеся тридцать девять процентов просто временно недоступны?

— Это не твоё дело.

В её голосе не было прежней насмешки.

Я закрыл карточку. Запомнил, но спорить не стал.

— Теперь на меня, - потребовала Нина.

— Это нарушение личных границ.

— Ты только что без спроса проверил демона.

— Она угрожала переломами.

— Я тоже могу.

Я посмотрел на Нину и сформулировал вопрос:

Какими способностями она обладает?

Имя: Нина Сергеевна Рубежная

Классификация: человек

Уровень: отсутствует

Магический контур: 0

Зарегистрированный дар: отсутствует

Скрытая особенность: информационный резонанс

Проявление: обнаружение изменённых и противоречивых данных

Состояние способности: неразвитое

Статус договора: защищённый человеческий помощник

— У тебя есть дар, - сказал я.

Нина перестала улыбаться.

— Арканометр ничего не показывает.

— Информационный резонанс. Ты чувствуешь изменённые записи.

— Я просто вижу ошибки.

— Не видишь. Ты сама говорила, что иногда не можешь найти исправление, но знаешь, что оно есть.

Азра взглянула на Нину с чуть большим интересом.

— Слабый внесистемный дар. Покровители редко замечают такие способности.

— Почему?

— Они не дают боевого преимущества, не усиливают род и плохо передаются детям.

— Зато позволяют находить изменения в договорах, - сказал я.

— Именно поэтому подобные люди иногда исчезают, если привлекают внимание канцелярий.

Нина посмотрела на неё.

— Это была угроза?

— Предупреждение.

— В чём разница?

— После угрозы обычно не дают полезный совет.

Со стороны центральной галереи донёсся низкий удар.

Все световые сферы одновременно стали красными.

На стенах появился текст:

«Обнаружено инфернальное проявление».

Азра закрыла глаза.

— Ваша защита медленная.

— Старое крыло, - объяснил я.

«Уровень угрозы: четвёртый контур».

«Закрытый фонд переведён в режим карантина».

Бронзовые двери заблокировались. С потолка опустились решётки. Защитные знаки на стенах развернулись внутрь помещения.

В дальней части зала послышался металлический скрежет.

Между стеллажами стояла декоративная статуя закованного в броню библиотекаря. За семь лет работы я ни разу не видел, чтобы она двигалась. Считал, что её поставили для отпугивания детей и новых сотрудников.

Теперь статуя шагнула с пьедестала.

Ростом она была больше двух метров. Вместо лица находилась гладкая металлическая маска с единственной светящейся строкой:

ПЕРЕПЛЁТЧИК М-4.

— Отойдите за стойку, - сказал я.

— Он опасен? - спросила Нина.

— В прошлом году такой смял автомобиль нарушителя.

— Почему ты раньше не рассказывал?

— Разговор не заходил.

Переплётчик повернулся к Азре.

«Незарегистрированное инфернальное существо. Подготовка к изоляции».

Из его предплечий выдвинулись широкие металлические ленты. На внутренней стороне каждой горели подавляющие знаки.

Азра достала ножи.

— Убери оружие, - сказал я.

— Эта конструкция собирается меня запечатать.

— Если разрушишь стража, сигнал получит служба без-

опасности.

— Я уничтожу и их.

— Это нарушит договор.

— Они не зарегистрированы как твои помощники.

Пауза получилась короткой, но достаточной, чтобы мысленно поставить рядом с репликой знак вопроса.

— Зато я сотрудник библиотеки, обязанный предотвращать нападения на персонал.

— Формулировка слабая.

— Но проверять её будешь ты.

Переплётчик выбросил первую ленту.

Азра ушла в сторону. Металл рассёк воздух, обернулся вокруг колонны и смял камень. Демоница скользнула между стеллажами так быстро, что за ней остался тёмный след. Удар отозвался в зубах мелкой неприятной вибрацией.

Вторая лента почти задела её плечо.

Я активировал Истинный каталог.

Что остановит Переплётчика?

Красная рамка появилась вокруг стража.

Наименование: архивный страж «Переплётчик М-4»

Владелец: Императорская публичная библиотека

Ранг: третий контур

Основная директива: изоляция незарегистрированных магических объектов

Приоритет распознавания: библиотечный статус, государственная регистрация, вид существа

Уязвимость: противоречие классификаций вызывает переход в режим ручной проверки

Уничтожение: не рекомендуется

— Нина, нужен временный пропуск посетителя.

— Для демона?

— Для консультанта.

— Это не одно и то же.

— Для Переплётчика сначала проверяется библиотечный статус.

Нина бросилась к терминалу. Экран требовал пройти аварийную авторизацию. Она приложила пропуск, ввела код, затем ударила ладонью по зависшей панели.

— Документы есть? - крикнул я Азре.

Она пригнулась под лентой.

— Разумеется.

— Человеческие.

— В левом кармане пальто.

Я добежал до стула, нашёл тонкую серебристую карточку и передал Нине.

Терминал прочитал её сразу:

Азра Вельзевна Мор.

Дата рождения, место регистрации, страховой номер, разрешение на работу с магическими объектами. В базе находились сведения об образовании, налогах и двух прошлых местах работы.

Нина быстро пролистала.

— У неё диплом столичного Института прикладной демонологии.

— По какой специальности?

— Защита от инфернальных угроз.

— Иронично.

— В две тысячи двадцать втором получила благодарность за изгнание демона из здания городской управы.

— Это была я, - сказала Азра, отбивая ножом металлическую ленту.

— Ты изгнала себя?

— Проверка была настоящей. Формулировка в отчёте не уточняет направление.

Переплётчик развернул на груди подавляющий знак. Воздух потяжелел. Азра опустилась на колено. Её стабильность проявления упала до двадцати восьми процентов.

— Быстрее, - сказала она.

Нина открыла форму посетителя.

— Цель визита?

— Консультация по восстановлению редкого издания.

— Какого?

Я посмотрел на Нулевой каталог. Книга оставалась невидимой на полке.

— Единственного экземпляра Северова.

— Ты сейчас про книгу или про себя?

— Да.

Нина ввела данные.

«Для работы в закрытом фонде требуется ответственный сотрудник».

— Клим Северов.

«Уровень магического допуска ответственного сотрудника недостаточен».

— Мой допуск второй.

— Для inferнальных специалистов нужен третий, - сказала Нина.

Переплётчик поймал Азру лентой за левую руку. Подавляющие знаки вспыхнули. От её кожи пошёл дым.

Она развернулась и ударила ножом по металлу. На ленте появилась глубокая трещина.

«Зафиксировано повреждение государственного имущества».

— Он первый начал, - сказала Азра.

— Система не учитывает.

— Ваша система отвратительна.

— Тебе ли жаловаться.

Я посмотрел на статус Переплётчика ещё раз.

Приоритет распознавания: библиотечный статус, государственная регистрация, вид существа.

— Зарегистрируй её не посетителем.

— А кем?

— Временным поступлением.

Нина замерла.

— Ты хочешь внести демона в каталог?

— Для работы с опасными объектами мне хватает второго допуска.

— Она потом меня за это убьёт.

— Договор не позволит.

— Я найду другой способ, - пообещала Азра.

Нина открыла форму нового поступления.

— Название?

— Азарет.

— Категория?

— Инфернальный объект ограниченного проявления.

Предположительно разумный.

— Я точно найду способ, - сказала Азра.

— Состояние? - спросила Нина.

— Раздражённое.

— Состояние предмета.

— Без видимых повреждений. Если не считать руку.

Нина закончила карточку и нажала подтверждение.

Терминал мигнул:

Источник подписи: Хранитель Нулевого каталога

Приоритет: выше локальной охранной сети

Область действия: седьмой закрытый фонд

Срок: до окончания смены

— Центр даже не запросил подтверждение, - сказала Нина.

— Потому что карточку подписал не мой пропуск, - ответил я. - Нулевой каталог.

Над Азрой вспыхнул синий библиотечный номер:
7-ИНФ/2241.

Переплётчик остановился.

«Объект зарегистрирован».

Ленты ослабли. Азра вырвала руку.

«Ответственный сотрудник: Клим Андреевич Северов».

Страж повернул маску ко мне.

«Условия хранения объекта не соответствуют требованиям».

— Временное исследование, - сказал я. - Срок размещения до утра.

«Требуется подпись ответственного сотрудника».

Я приложил пропуск к его нагрудной пластине.

Переплётчик стянул ленты.

«Объект передан под ответственность сотрудника».

Он развернулся, вернулся к постаменту и снова замер.

Красное освещение сменилось обычным.

Азра медленно подошла к нам. На её левой руке остались тёмные ожоги.

— Ты зарегистрировал меня как предмет.

— Как разумный объект.

— Предположительно разумный, - уточнила Нина.

— Это была её формулировка.

Азра посмотрела на свою карточку в терминале.

— Состояние «раздражённое»?

— Соответствует действительности.

— Удали.

— Нельзя. Карточка уже сохранена.

— Я могу вырвать терминал из стены.

— Резервная копия находится на центральном сервере.

Она перевела взгляд на меня.

— Отменить регистрацию.

— Тогда Переплётчик снова нападёт.

— Я его уничтожу.

— И нарушишь договор, потому что объект передан под мою ответственность.

Азра несколько секунд молчала.

— Возможно, ты не совершенно бесполезен.

— Для начала отношений сойдёт.

Нина открыла медицинский шкаф и бросила ей упаковку регенерирующего геля.

— Намажь ожог.

— Он заживёт сам.

— Тогда верни. Гель казённый.

Азра поймала упаковку и всё-таки убрала в карман. Пластик сухо хрустнул в тишине, и этот бытовой звук на секунду сделал происходящее почти нормальным.

Я ещё раз посмотрел на свой статус. Рядом с классом появилась небольшая стрелка. При мысленном касании открылось описание:

Архивариус Бездны

Класс, предоставляемый исполнителям Нижнего реестра,

работающим с поиском, классификацией и устранением зарегистрированных сущностей.

За каждый уровень владелец получает одно очко характеристики.

За каждый пятый уровень владелец получает одно очко навыка.

Дополнительные способности могут быть получены через выполнение заданий, захват полномочий и развитие родового доступа.

— Как быстро повышается уровень? - спросил я.

— Зависит от влияния на систему, - ответила Азра. - Убийство обычного человека ничего не даст. Уничтожение зарегистрированного существа, открытие закрытого узла или изменение важной операции принесёт опыт.

— То есть система поощряет не убийства, а вмешательство?

— Она поощряет полезные изменения.

— Полезные кому?

Азра посмотрела на меня.

— Хороший вопрос. Система не отвечает.

— А Вельзар?

— Отвечает, но после его ответа вопросов обычно становится больше.

Нина выключила терминал.

— Нужно уходить. Скоро сменится ночная охрана, а утром начнётся проверка Зориных.

— Каталог остаётся здесь? - спросил я.

Азра подошла к полке С. Для неё книга была невидимой. Она провела рукой сквозь пустое место.

— Нина видела её ещё до того, как я коснулся переплёта.

— Вы оба участвовали в запросе шифра, - сказала Азра.
- До восстановления доступа Каталог показывался участникам поиска. Теперь его проявляет только прикосновение владельца. Для приборов его нет в обоих случаях.

— Физический носитель привязан к хранилищу и владельцу. Пока ты его не проявишь, обычный поиск ничего не обнаружит.

— А необычный?

— Сильный ангел заметит след. Опытный демон тоже. Княжна, которая была здесь днём, сможет почувствовать восстановленный доступ, если прикоснётся к тебе или книге.

— Она уже пыталась воздействовать на мою память.

— Успешно?

— Нет.

Азра снова посмотрела на меня внимательнее.

— Повеление Зориных не остановил бы человек с Волею тринадцать.

— Возможно, она не старалась.

— Возможно.

По её тону было понятно, что она так не считает.

Азра коснулась чёрной линии на моём запястье. От пальцев потянулся холод. Метка потускнела и стала похожа на

старый шрам. В помещении стало на несколько градусов холоднее, хотя приборы наверняка назвали бы это субъективным ощущением.

— Маскировка продержится до полудня. Не позволяй никому проводить глубокое сканирование.

На секунду всё светлосось к дыханию, свету и фразе, которую никто не хотел повторять.

— Завтра проверку возглавит Варвара Зорина.

— Тогда особенно не позволяй.

— У неё капитанское удостоверение и вооружённый отряд.

— Научись говорить «нет».

Нина кашлянула.

— Сегодня он уже пробовал. Едва не умер.

— Значит, нужно больше практики.

Мы навели в отделе порядок. Каталожные карточки вернулись в ящики, повреждённую колонну закрыли иллюзией, а в журнал охраны внесли запись о ложном срabатывании. Карточку Азры удалить не удалось, поэтому Нина изменила срок хранения с «до утра» на «до завершения исследования».

— Зачем? - спросил я.

— Чтобы Переплётчик не пришёл за ней ровно в полночь.

— Он бы пришёл? - уточнила Азра.

— Теперь уже не узнаем.

— Жаль.

При выходе охранник проверил наши пропуска. Карточка Азры вызвала у него вопросы.

— Вы вошли после закрытия библиотеки.

— По служебному переходу, - ответила она.

Формально это было правдой.

— Почему визит не зарегистрирован заранее?

— Срочная консультация.

Охранник посмотрел на меня.

— Она с вами?

— К сожалению.

— Взаимно, - сказала Азра.

Пропуска вернули. Мы вышли через служебный подъезд на ночную улицу.

После душного фонда холодный воздух показался почти приятным. По мокрой мостовой проезжали беспилотные экипажи. Над крышами двигались рекламные знаки, отражаясь в каналах. На противоположной стороне улицы двое коммунальных магов обновляли защитную разметку перед утренним потоком людей. Холод забрался под одежду и лёг вдоль позвоночника тонкой влажной полосой.

Город жил обычной жизнью.

Хотелось подойти к кому-нибудь и сообщить, что в Императорской библиотеке появился демон, а последний представитель уничтоженного рода подписал договор на убийство двенадцати ангелов.

Скорее всего, прохожий попросил бы не мешать и вызвал

полицию.

Нина заказала экипаж.

— Я еду с Климом, - сказала Азра.

— Нет, - ответил я.

— Да.

— На этот раз книга меня не убивает. Можно отказаться.

— Сопровождающий должен иметь доступ к исполнителю.

— У тебя есть мой номер.

— Телефон не поможет, если небесный агент вскрыет тебе грудную клетку.

— Квартира маленькая.

— Я не занимаю много места.

— Ты вылезла из тени размером со стеллаж.

— Из тени размером со стеллаж удобно вылезать. Для хранения достаточно меньшей.

Нина посмотрела на неё.

— Ты собираешься жить в тени?

— Я не живу. Я ожидаю.

— Звучит не лучше.

Экипаж остановился у тротуара.

— Позвони, когда доберётесь, - сказала Нина.

— Обязательно.

— Если не позвонит, что ты сделаешь? - спросила Азра.

— Сообщу службе безопасности, что в библиотеке хранится незарегистрированный демон.

— Уже зарегистрированный.

— Тогда сообщу номер карточки.

Азра проводила её долгим взглядом.

— Она мне не нравится.

— Взаимно, - сказала Нина и села в экипаж.

До моего дома мы ехали молча. Азра смотрела в окно, изучая город с выражением человека, который уже видел всё это раньше и остался недоволен. Тишина стала заметной, почти материальной; в ней отчётливо слышалось чужое дыхание.

— Ты часто бываешь на Земле? - спросил я.

— Бывала.

— Когда последний раз?

— Не имеет значения.

— Целостность памяти?

Стекло рядом с её рукой покрылось тонкой коркой льда.

— Я предупредила, что это не твоё дело.

— Мы связаны договором. Если у сопровождающего отсутствует почти половина воспоминаний, это влияет на мою безопасность.

— Моя профессиональная память не повреждена.

— Откуда ты знаешь, если не помнишь утраченное?

Азра повернулась ко мне.

— Продолжишь задавать вопросы, и тренировка начнётся прямо в экипаже.

— Это угроза?

— Полезная информация.

Моя квартира находилась на четвёртом этаже старого дома недалеко от Обводного канала. Две комнаты, маленькая кухня и коридор, в котором приходилось выбирать между шкафом и возможностью свободно открыть входную дверь. Я выбрал шкаф. В подъезде пахло сырой штукатуркой, пылью и чужим ужином - запахами мира, где демоны обычно не ночуют.

Азра вошла, осмотрела потолок, окна и стены.

— Защиты нет.

— Есть замок.

— Механический.

— Электронные часто ломаются.

— Небесный агент разрежет эту дверь за секунду.

— Тогда дорогой замок тоже не поможет.

Она открыла шкаф, проверила ванную и заглянула под кровать.

— Что ищешь?

— Засаду.

— Под кроватью помещается только коробка с зимней обувью.

Азра выдвинула коробку.

— Пусто.

— Потому что сейчас лето.

Она посмотрела на меня так, будто я специально усложнял расследование.

Я позвонил Нине, сообщил, что жив, и поставил чайник.

Азра остановилась перед книжным шкафом.

— Ты работаешь среди книг, а потом возвращаешься к книгам.

— Они спокойнее людей.

— Сегодня книга пыталась тебя уничтожить.

— Исключение подтверждает правило.

На кухне Азра открыла холодильник. Внутри находились сыр, несколько яиц, горчица и контейнер с едой, срок происхождения которой я не рискнул бы устанавливать даже Истинным каталогом.

— Ты питаешься этим?

— Иногда заказываю.

— При твоей Выносливости восемь питание должно быть частью подготовки.

— Уже поздно.

— Тело не знает времени.

— Моё знает. После полуночи оно требует сна.

Азра закрыла холодильник.

— В шесть начинаем тренировку.

— Я работаю с девяти.

— В шесть ты начинаешь учиться выживать. Если справишься, к девяти сможешь работать.

— А если нет?

— Тогда вопрос трудоустройства потеряет значение.

Перед глазами появилось уведомление:

Получено тренировочное задание.

Цель: продержаться против inferнального сопровождающего 60 секунд.

Ограничение сопровождающего: запрещены смертельные повреждения.

Награда: 25 единиц опыта.

Штраф за отказ: отсутствует.

Рекомендуемый уровень: 3.

— Я первого уровня.

— Знаю.

— Задание рекомендовано для третьего.

— Поэтому награда выше.

— В договоре не было пункта об обязательных тренировках.

— Задание добровольное.

— Тогда отказываюсь.

Азра улыбнулась впервые с момента появления.

Улыбка мне не понравилась.

— Конечно, Клим. Отдыхай.

Она шагнула к стене и растворилась в тени книжного шкафа.

Я остался один.

На системном сообщении появилась дополнительная строка:

До автоматического начала тренировки: 5 часов 47 минут.

Нужно было внимательнее обсуждать значение слова «добровольное».

Глава 6. Двенадцать дней

В пять пятьдесят девять утра я проснулся сам.

Это случилось со мной примерно никогда.

Будильник должен был зазвонить через минуту. За окном только начинало светать. Комната выглядела обычной: книги на полках, одежда на стуле, закрытая дверь и длинная тень от шкафа на стене. От тени тянуло холодом, и кожа на предплечьях покрылась мурашками раньше, чем я успел это заметить.

Системное сообщение висело перед глазами.

До автоматического начала тренировки: 47 секунд.

Я лежал неподвижно и слушал.

В квартире было тихо. С кухни доносилось гудение холодильника. Где-то за стеной сосед включил воду. Тень возле шкафа не двигалась. Граница между тенью и светом выглядела слишком чёткой, почти проведённой по линейке.

Тридцать секунд.

Я медленно протянул руку к настольной лампе.

Тень шевельнулась.

Включил свет.

Под шкафом никого не было.

Пятнадцать секунд.

Я встал с кровати, натянул брюки и взял со стола металлическую линейку. Выбор оружия получился не слишком впе-

чатляющим, зато привычным. Хороший вопрос. Плохая новость заключалась в том, что ответ уже начинал складываться.

Пять.

Четыре.

Три.

Я смотрел на шкаф.

Два.

Тень от моего тела на стене подняла руку раньше меня.

Я успел повернуть голову.

Азра вышла из моей собственной тени и ударила ладонью между лопаток.

Пол оказался ближе, чем ожидалось. Я врезался в ковёр, попытался перекатиться, но её колено уже прижимало меня к полу. Холодный палец коснулся шеи. В помещении стало на несколько градусов холоднее, хотя приборы наверняка называли бы это субъективным ощущением.

Перед глазами появился результат:

Тренировочное задание провалено.

Продолжительность: 3,8 секунды.

Получено опыта: 0.

— Почти четыре секунды, - сказала Азра. - Лучше, чем выглядело.

— Ты начала из моей тени.

— Небесный агент обязательно выберет более удобное место.

— Например, постучит в дверь.

— Иногда они стучат.

Она убрала колено и поднялась.

На Азре была чёрная спортивная одежда без застёжек и карманов. Серебряная прядь собрана вместе с остальными волосами. На ногах не было обуви.

— Почему автоматически началось добровольное задание?

— Автоматически началась проверка готовности. От участия можно было отказаться, покинув обозначенную область.

— Какую область?

— Квартиру.

— Пока я спал?

— Сон не считается ограничением дееспособности.

— Нужно добавить в договор.

— Поздно.

Я поднялся. Спина болела, правое плечо плохо двигалось.

— Ты могла предупредить, что используешь мою тень.

— Могла.

— Почему не предупредила?

— Тогда проверка потеряла бы смысл.

— Она всё равно потеряла смысл. Я первого уровня, ты четвёртого контура.

Мне захотелось переспросить, хотя я отлично расслышал. Иногда надеешься, что при повторе слова окажутся другими.

— В бою противник не подбирается по уровню.

— Но тренировочное задание рекомендовано для третьего.

— Система оценивает средние способности. Некоторые исполнители компенсируют слабое тело интеллектом.

— А я?

— Пока ты компенсировал слабое тело металлической линейкой.

Она подняла её с пола и двумя пальцами согнула пополам.

— Это была библиотечная линейка.

— Уже нет.

— Её выдали под подпись.

Азра бросила согнутый металл на кровать.

— Приготовь завтрак. Через час повторим.

— Я не согласился на повтор.

— Значит, повтор будет добровольным.

— В обычном смысле?

— Не знаю. Я не человек.

Она ушла на кухню.

Я посмотрел на закрытую дверь спальни, потом на время.

До начала рабочей смены оставалось два часа пятьдесят семь минут. До приезда Варвары Зориной примерно столько же. Следовало принять душ, привести в порядок форму и придумать объяснение следам инфернального договора. Я не знал, что хуже: отсутствие объяснения или объяснение, которое уже начинало нравиться своей логикой.

Вместо этого я открыл описание задания.

Цель: сохранять сознание и способность к самостоятельному сопротивлению в течение 60 секунд.

Условия победы: истечение времени или невозможность сопровождающего продолжать тренировку.

Количество попыток: не ограничено.

Награда начисляется один раз.

Формулировка была важнее силы. Победить Азру я не мог. Даже причинить ей заметный вред вряд ли получилось бы. Нужно было не драться, а продержаться. С точки зрения логики всё сходилось. Именно поэтому хотелось проверить ещё раз.

Я включил Истинный каталог и посмотрел на комнату.

Сначала ничего не произошло. Затем отдельные предметы получили тонкие подписи.

Настольная лампа. Состояние исправное. Яркость недостаточна для подавления инфернального перехода.

Шторы. Светопроницаемость 3 процента.

Зеркало. Отражающий слой частично повреждён. Может использоваться для обнаружения нестабильных проявлений.

Аварийный световой модуль. Заряд 87 процентов. Спектр подходит для нарушения теневого перехода существ не выше четвёртого класса.

Последний предмет лежал в ящике вместе с фонарями и набором на случай отключения электричества. Я купил модуль после зимней аварии и ни разу не использовал.

Теперь у него появилась цель.

Я потратил сорок минут на подготовку.

Открыл шторы, включил все лампы и поставил аварийный модуль в центре комнаты. Передвинул зеркало так, чтобы видеть пространство за спиной. Убрал ковёр, на котором можно поскользнуться, и расчистил проход к двери.

На пол насыпал тонкий слой муки.

Азра появилась в дверях кухни с чашкой кофе.

— Что ты делаешь?

— Завтрак.

— Это мука.

— Основной ингредиент.

Она посмотрела на освещённую комнату.

— Решил убрать тени.

— Не решил. Уже убрал.

— Тени есть всегда.

— Но переход через них требует большей стабильности, если источник освещения перекрывает инфернальный спектр.

Азра сделала глоток.

— Использовал каталог.

— В договоре не запрещено.

— Разумно.

— У тебя мой кофе.

— Был на кухне.

— Там находились две чашки. Одна чистая.

— Эта была ближе.

— Я уже пил из неё.

— И?

— Ничего.

Азра снова отпила. На лице появилось лёгкое удивление.

— Горько.

— Потому что без сахара.

— Люди специально пьют горькую воду по утрам?

— Она помогает проснуться.

— Удар тоже помогает.

— Кофе приятнее.

Она допила и поставила чашку на книжную полку.

— Готов?

— Нет.

— Когда будешь?

— Через двадцать минут.

— Враг не станет ждать.

— Ты не враг. Ты сопровождающий, обязанный повисить вероятность моего выживания. Если начнёшь сейчас, проверишь только способность нападать на человека во время подготовки.

Азра наклонила голову.

— Десять минут.

— Пятнадцать.

— Двенадцать.

— Согласен.

Я поставил таймер.

Оставшееся время ушло на изучение квартиры. Каталог показывал свойства предметов, но не предлагал готового плана. Стул можно было использовать как препятствие. Огнетушитель создавал облако, способное на несколько секунд скрыть движение от обычного зрения. Дверь в ванную выдерживала удар человека первого контура, но не демона.

Окно выходило на восток. Через пятнадцать минут солнечный свет должен был попасть прямо в комнату.

Солнце не уничтожало демонов. Это выяснилось после короткого запроса к каталогу. Зато прямой свет нарушал переход между тенями и снижал стабильность проявления.

Возможно, хватит.

Азра встала в коридоре.

— Условия те же. Я не использую оружие и силу выше первого контура.

— В прошлый раз ты вышла из моей тени.

— Это не сила. Это перемещение.

— Теперь запрещено?

— Нет.

— Стоило попробовать.

Я активировал таймер.

Начало тренировки через 3 секунды.

На этот раз я смотрел не на Азру, а в зеркало.

Она исчезла на счёте «один».

В отражении за моим плечом появилась серебряная

прядь.

Я включил аварийный модуль.

Комнату залил белый свет. Тень за спиной разорвалась. Азру выбросило в сторону шкафа, будто она налетела на невидимую стену. Присутствие тени ощущалось кожей как холодное давление между лопатками.

Осталось: 56 секунд.

Я бросил модуль на пол и побежал в кухню.

Азра догнала через два шага.

Я перевернул за собой стул. Она перепрыгнула, но потеряла мгновение. Металлический поднос полетел ей в лицо. Азра отбила его рукой. По гладкой поверхности скользнул острый блик и на мгновение ударил в глаза.

Я схватил огнетушитель и нажал рычаг.

Белое облако заполнило коридор.

Осталось: 48 секунд.

Азра двигалась бесшумно. Я не видел её даже в зеркале у двери. Мука на полу должна была показать следы, но облако скрывало всё. Тишина давила на уши сильнее прежнего шума.

Что-то коснулось левого плеча.

Я резко пригнулся.

Рука прошла над головой. Азра схватила меня за воротник, но ткань была заранее расстёгнута. Пиджак остался у неё, я выскользнул и врезался в дверь ванной.

Тридцать девять секунд.

Закрыл дверь и повернул замок.

Снаружи стало тихо.

— Дверь не выдержит, - сказала Азра.

— Знаю.

— Тогда зачем заперся?

— Чтобы ты остановилась и спросила.

Дверь слетела с петель.

Я успел отойти к ванне. Азра вошла через проём. На её одежде осела белая пыль. Янтарные глаза светились.

Двадцать восемь секунд.

Я бросил в неё душевую лейку и открыл воду. Азра отбила лейку, но струя попала в потолочную лампу. Автоматическая защита отключила электричество во всей квартире.

Комнаты погрузились в полумрак.

— Плохое решение, - сказала Азра.

Тени вокруг неё ожили.

— Зависит от того, что считать целью.

В коридоре включилось аварийное освещение. Световой модуль автоматически перешёл на максимальную мощность, компенсируя отключение сети.

Белая вспышка ударила через открытую дверь.

Азра зашипела и прикрыла глаза.

Двадцать секунд.

Я перелез через край ванны, выскочил в коридор и побежал к комнате.

Она снова догнала.

Удар пришёлся в бок. Меня отбросило к окну. Воздух вышел из лёгких, перед глазами потемнело.

Двенадцать секунд.

Азра шагнула ближе.

Я дёрнул шнур шторы. Плотная ткань упала с карниза, открывая всё окно.

Комнату залил утренний свет.

Стабильность проявления Азры упала до двадцати четырёх процентов.

Она не исчезла, но стала двигаться медленнее.

Восемь секунд.

Я поднял стул.

Азра выбила его одним движением.

Пять.

Она схватила меня за руку. Я развернулся вместе с движением и ударился плечом о стену.

Три.

Азра прижала меня к книжному шкафу.

Один.

Её ладонь легла на моё горло.

Перед глазами вспыхнуло:

Тренировочное задание выполнено.

Продолжительность: 60,2 секунды.

Получено опыта: 25.

До следующего уровня: 75.

— Получилось, - прохрипел я.

Азра убрала руку.

— Ты использовал повреждение электропроводки.

— Лампа была застрахована.

— В настоящем бою агент разрушит стену.

Возражение уже было готово, но я сначала проверил, не звучит ли оно глупее самой ситуации.

— В настоящем бою я постараюсь не встречаться с ним в ванной.

Она посмотрела на сорванную дверь, муку, огнетушитель и лежащий на полу карниз.

— Квартиру придётся восстанавливать.

— Зато вероятность выживания выросла.

— До четырнадцати процентов.

— На шесть десятых за одну минуту. Неплохой результат.

— Тебе трудно признать, что ты едва стоишь?

— Я могу признать это сидя.

Я опустил на пол.

Рёбра болели. На плече уже темнел синяк, губа была разбита. Система показывала несколько лёгких повреждений и одно предупреждение о возможном ушибе грудной клетки.

Азра присела рядом и приложила ладонь к моему боку.

От её пальцев пошло тепло.

— Что делаешь?

— Проверяю повреждения.

— Каталог уже проверил.

— Каталог не умеет вправлять рёбра.

Она резко надавила.

В боку хрустнуло. Я вдохнул и на несколько секунд забыл все известные слова.

— Ничего не было сломано, - сказала Азра. - Теперь дышать станет легче.

— Можно было предупредить.

— Тогда ты бы напрягся.

Она достала из кармана маленький флакон с тёмной жидкостью.

— Выпей половину.

— Что это?

— Восстановительный состав.

Я использовал Истинный каталог.

Малое инфернальное восстановительное средство.

Ускоряет заживление мягких тканей, подавляет боль, временно повышает Выносливость на 2.

Побочные эффекты: жажда, повышение температуры тела, кратковременное раздражение, вкус жжёной меди.

— Что означает кратковременное раздражение?

— Составитель был вежлив.

Я выпил половину.

На вкус средство напоминало монету, которую нагрели в костре и растворили в дешёвом спирте. По телу прошла горячая волна. Боль в боку ослабла.

— Ужасно.

— Дай сюда.

Азра забрала флакон и выпила остаток.

— У тебя тоже есть повреждения?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Нравится вкус.

— Теперь многое стало понятнее.

Телефон завибрировал на полу.

Звонила Нина.

— Ты жив? - спросила она вместо приветствия.

— Да.

— Почему так тяжело дышишь?

— Делал зарядку.

— В шесть утра?

— С демоном.

— Это не зарядка.

— Система считает тренировкой.

На другом конце повисла пауза.

— Зорина перенесла проверку, - сказала Нина. - Они будут к восьми тридцати.

Я посмотрел на время.

Шесть сорок девять.

— Почему раньше?

— Официально из-за срочного заседания палаты. Неофициально ночная охрана сообщила о двух сбоях в нашем фонде.

— Сколько человек?

— Варвара, четверо сотрудников безопасности и приглашённый эксперт Светояровых.

Азра услышала фамилию.

— Кто именно?

Я включил громкую связь.

— Доктор Павел Рудин, - ответила Нина. - Специалист по повреждениям магических архивов и воздействию на душу. Очень известный целитель.

Перед глазами что-то мигнуло.

Система развернула новое сообщение:

Начальная адаптация исполнителя завершена.

Доступно первое контрактное задание.

— Подожди, - сказал я.

— Что? - спросила Нина.

— Появилось задание.

Азра сразу стала серьёзной.

— Открывай.

Я мысленно подтвердил просмотр.

Мир на мгновение потемнел. Перед глазами появилась карта Санкт-Петербурга. Над ней медленно вращался золотой знак. Он двигался по городу, проходя над кварталами, пока не остановился в районе клиники Светояровых.

Контрактное задание 1 из 12.

Наименование: Ангел в белом.

Этап 1: установить человеческую личность небесного агента.

Предполагаемое местоположение: Санкт-Петербург.

Радиус поиска: 3 километра.

Срок выполнения: 12 суток.

Награда за завершение цепочки: 500 единиц опыта, способность «Предметная карточка», одно полномочие устрани́нной цели.

Наказание за просрочку: изъятие одного личного воспоминания в сутки.

Под описанием находилось размытое изображение человека в белом халате.

Лицо определить было невозможно.

Но на груди хорошо различался знак клиники Светояр-
вых.

— Клим? - позвала Нина.

— Задание ведёт к вашей клинике.

— К которой через полтора часа приедет доктор Рудин?

— Похоже на совпадение.

— Ты сам не веришь в совпадения.

— Поэтому и сказал «похоже».

Азра наклонилась к изображению, которого не могла видеть.

— Опиши знак агента.

Я сосредоточился. Золотой символ состоял из круга, рас-
сечённого тремя вертикальными линиями. В центре двига-
лась маленькая белая точка.

Азра выпрямилась.

— Медицинская каста.

— Значит, Рудин?

— Не обязательно. Такой знак может носить целитель, хранитель или сборщик жизненной энергии. В радиусе клиники могут находиться несколько подходящих людей.

— Вельзар обязан предоставить известные сведения до боевой операции.

Мне не понравился ответ. Это ещё не делало его ложным, только более вероятным.

— Это ещё поиск. Информация будет открываться по мере подтверждения личности.

— Очень удобное толкование.

— Привыкай.

Нина заговорила тише:

— Если Зорина привезёт Рудина в библиотеку, ты сможешь проверить его Истинным каталогом.

— Смогу, если он не заметит.

— Заметит, - сказала Азра. - Небесные существа чувствуют направленное чтение.

— Насколько быстро?

— Зависит от силы. Слабый агент почувствует дискомфорт. Сильный поймёт, кто и откуда смотрит.

— Тогда сначала обычная проверка.

— Анализы, документы, записи пациентов, - сказала Нина. - Я попробую получить доступ к архиву клиники.

— Не рискуй до встречи.

— Поздно. Я уже на работе.

Вызов завершился.

Я посмотрел на разгромленную комнату, сорванную дверь ванной и свою форму, лежащую под слоем огнетушащего порошка.

До приезда Зориных оставался час сорок минут.

— Мне нужен душ, - сказал я.

Азра посмотрела на ванную без двери.

— Пользуйся.

— Ты останешься здесь.

— Я обязана сопровождать исполнителя после получения задания.

— В договоре нет требования наблюдать за мытьём.

— Верно.

Она шагнула в тень шкафа.

— Но если утонешь, я не стану объяснять Вельзару причину провала.

— Постараюсь сохранить достоинство канцелярии.

Азра исчезла.

Я добрался до ванной, включил воду и только тогда заметил ещё одну строку в описании задания:

Предварительная вероятность того, что цель уже обнаружил исполнителя: 17 процентов.

Число медленно изменилось.

18 процентов.

Утро становилось всё лучше.

Глава 7. Карточка цели

В библиотеку я приехал за восемь минут до начала проверки. После бессонной ночи свет в вестибюле казался слишком ярким, а запах кофе от автомата - почти оскорбительным.

Форма была запасной, поэтому пиджак сидел хуже обычного. Разбитая губа почти зажила после состава Азры, но никак на скуле скрыть не получилось. Рёбра продолжали ныть при каждом глубоком вдохе.

Азра находилась в моей тени.

Перед выходом из квартиры она объяснила, что это самый надёжный способ сопровождать меня, не попадая под государственные сканеры. Потом предупредила не вставать под прямой полуденный свет, не заходить в помещения с полным подавлением магии и не позволять небесному агенту исследовать мою душу.

Последний совет оказался особенно полезным.

У главного входа стояли три чёрных экипажа Императорской службы. Сотрудники безопасности перекрыли центральную лестницу. Посетителей направляли через боковые залы, а библиотечные големы проверяли пропуска дважды.

Варвара Зорина приехала не раньше назначенного времени.

Она просто назначила другое время, не посчитав нужным

дождаться моего согласия.

Нина встретила меня возле служебной гардеробной. В одной руке она держала планшет, в другой стакан кофе.

— Твой? - спросил я.

— Был мой.

— Почему был?

— Теперь нужнее тебе.

Я взял стакан.

— Внутри ничего не добавлено?

— Только кофе. Демонические лекарства закончились?

— Надеюсь.

Она внимательно осмотрела моё лицо.

— Тринадцать процентов?

— Четырнадцать.

— Впечатляет.

— Рост почти на восемь процентов.

— На восемь десятых.

— Смотря как считать.

— Нормально считать.

Мы пошли к старому крылу.

— Они уже внутри, - сказала Нина. - Зорина, четверо безопасников, Бельский и доктор Рудин. Последний попросил никого не выпускать из здания до завершения проверки.

— Он имеет такие полномочия?

— Нет. Зорина согласилась.

— Азра считает его возможным небесным агентом.

— Ты можешь с ней разговаривать?

— Пока она в тени, только через систему.

— И что говорит?

Я мысленно открыл канал сопровождающего.

Появилась короткая строка:

АЗАРЕТ: В здании сильный небесный след. Не используй способность без необходимости.

— Советует не сканировать, - сказал я.

— Удивительно разумно.

АЗАРЕТ: Я слышу человеческого помощника.

— Она слышит тебя.

— Передай, что это не меняет моего мнения.

Я не стал передавать. Судя по тому, как похолодела моя тень, сообщение дошло без помощи.

— Что с ночными записями? - спросил я.

— Следы появления Вельзара система не сохранила. Остались блокировки дверей, отключение связи и карточка Азры.

— Удалить не получилось?

— Нет. Я добавила пояснение, что запись создана во время проверки повреждённого арканометра.

— Очень убедительно.

— У тебя был лучший вариант?

— Зарегистрировать её как библиотечного кота.

— Слишком поздно. Кроме того, коты не получают дипломы по демонологии.

У бронзовых дверей стояли два сотрудника службы. Один проверил пропуск и внимательно посмотрел на моё лицо.

— Причина повреждений?

— Бытовой несчастный случай.

— Какой?

— Дверь ванной.

Он взглянул на Нину.

— Дверь проиграла, - сказала она.

Нас пропустили.

В закрытом фонде стало непривычно просторно. Часть столов сдвинули к стенам, коробки с новыми поступлениями вскрыли и расставили вдоль проходов. Переплётчик стоял на постаменте. Повреждённая металлическая лента была втянута не полностью, но ночную драку страж не комментировал.

Варвара Зорина находилась возле полки С. Сегодня на ней была не парадная, а полевая форма без серебряной вышивки. Волосы собраны, на поясе пистолет и короткий жезл. Рядом нервничал директор Бельский. Холодный свет сфер блестел на её оружии, а в воздухе ещё держался сухой запах книжной пыли.

Третьим был мужчина в светлом костюме.

Доктор Павел Рудин выглядел лет на сорок пять. Среднего роста, худой, с короткими тёмными волосами и небольшой сединой на висках. Никакой белой мантии, золотого сияния или демонстративного родового герба. Только серебряный

знак клиники Светояровых на лацкане и тонкое стеклянное кольцо на правой руке.

Он первым повернулся в мою сторону.

Взгляд задержался на мне чуть дольше, чем требовала вежливость.

Золотая отметка задания перед глазами стала ярче.

Расстояние до предполагаемой цели: 6 метров.

Вероятность обнаружения исполнителя поднялась до двадцати трёх процентов.

— Клим Андреевич, - сказала Варвара. - Вы опоздали.

Я посмотрел на часы.

— Проверка назначена на восемь тридцать.

— Сейчас восемь двадцать две.

— Тогда я пришёл заранее.

— Мы начали в восемь.

— Изменённое распоряжение получил в семь сорок три.

Дорога заняла тридцать одну минуту.

Варвара несколько секунд смотрела на меня.

— Вы всегда запоминаете время с такой точностью?

— Только когда меня обвиняют в опоздании.

Бельский тихо произнёс моё имя. В его голосе слышалась просьба хотя бы раз не спорить с представителями одного из Великих родов.

Я решил не разочаровывать человека резкой переменой характера.

Рудин улыбнулся:

— Хорошая память для архивиста важнее покорности.

— В государственных учреждениях с этим могут поспорить, - ответил я.

Я кивнул едва заметно. Не в знак согласия, а чтобы показать, что услышал.

— Государственные учреждения часто путают покорность с порядком.

Варвара перевела на него холодный взгляд.

— Доктор Рудин приглашён как специалист по повреждению души и магических архивов.

— Я знаком с его работами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.